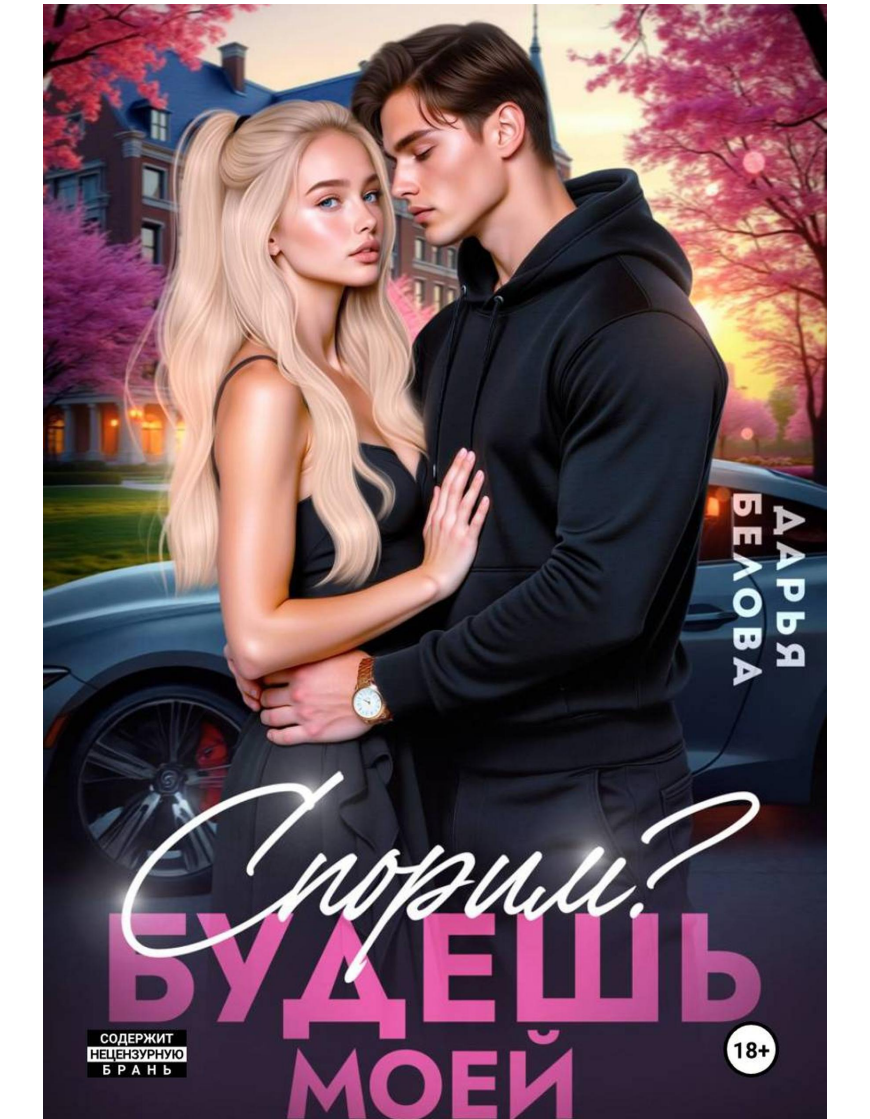

ДАРЬЯ
БЕЛОВА

Спорим?
**БУДЕШЬ
МОЕЙ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Белова

Спорим? Будешь моей

<https://litres.ru/74390667>

SelfPub; 2026

Аннотация

— В Академии новенький. Такой красавчик! — Подруга падает на стул. Ее вид уже влюбленный.

— И кто он??

— Артемий Жданов, — отвечает с придыханием.

Телефон, в котором готовилась опубликовать свежий пост, падает из рук. Картинка перед глазами расплывается, и до боли в груди невозможно вздохнуть.

Губы против воли начинают гореть адовым пламенем. Чертовы воспоминания!

— Ты что его знаешь? — подруга прищуривается.

Отчаянно мотаю головой. Но румянец на щеках не смыть.

— Нет! — выкрикиваю.

У самой в памяти играет заезженной пластинкой голос Жданова: «Ты будешь моей, Мирра, любой ценой»

* * *

Артемий Жданов — не тот, кому стоит попадаться на глаза. И особенно не стоит становиться его целью и одержимостью.

Но все пошло не по плану, когда между нами появился один маленький, но очень грязный секрет.

И теперь Жданов здесь — в моей Академии. И он пришел, чтобы сделать меня своей, как и обещал.

Содержание

Аннотация	5
Глава 1. Мирра.	7
Глава 2. Мирра	11
Глава 3. Мирра	16
Глава 4. Мирра	21
Глава 5. Мирра	26
Глава 6. Мирра	33
Глава 7. Мирра	38
Глава 8. Артемий	45
Глава 9. Мирра	51
Глава 10. Мирра	58
Глава 11. Мирра	64
Глава 12. Мирра	70
Глава 13. Мирра	75
Глава 14. Артемий	83
Глава 15. Мирра	90
Глава 16. Мирра	97
Глава 17. Мирра	106
Глава 18. Мирра	114
Глава 19. Мирра	124
Глава 20. Мирра	132
Глава 21. Артемий	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Дарья Белова

Спорим? Будешь моей

Аннотация

— В Академии новенький. Такой красавчик! — Подруга падает на стул. Ее вид уже влюбленный.

— И кто он??

— Артемий Жданов, — отвечает с придыханием.

Телефон, в котором готовилась опубликовать свежий пост, падает из рук. Картинка перед глазами расплывается, и до боли в груди невозможно вздохнуть.

Губы против воли начинают гореть адовым пламенем. Чертовы воспоминания!

— Ты что... его знаешь? — подруга прищуривается.

Отчаянно мотаю головой. Но румянец на щеках не смыть.

— Нет! — выкрикиваю.

У самой в памяти играет заезженной пластинкой голос Жданова: «Ты будешь моей, Мирра, любой ценой...»

* * *

Артемий Жданов — не тот, кому стоит попадаться на глаза. И особенно не стоит становиться его целью и... одержимостью.

Но все пошло не по плану, когда между нами появился

один маленький, но очень грязный секрет.

И теперь Жданов здесь — в моей Академии. И он пришел, чтобы сделать меня своей, как и обещал.

Глава 1. Мирра.

Дикая, тупая боль окутывает мою голову со всех сторон...

— С добрым, мать его, утром, — говорю себе после того, как целых две минуты трезвонил будильник.

На часах пять-тридцать утра — и это время пробежки. К слову, не люблю бег. Особенно, если я спала каких-то пару часов.

Закинув в себя обезболивающее, снимаю шелковую пижаму и надеваю легинсы и спортивный топ. Сверху — легкую ветровку. После вчерашнего шторма на море погода резко изменилась: столбик термометра опустился на пять градусов. Ранним утром такой перепад чувствуется особенно сильно.

Вставив наушники и включив последний трек Давида Дамиано, выхожу из дома и начинаю пробежку от главных ворот в сторону усадьбы Юсуповых.

— Ты в курсе, что парня, с которым ты вчера познакомилась, нашли сильно избитым за углом клуба? — спрашивает Вика, моя подруга, когда я отвечаю на ее звонок. Мы однокурсницы.

Останавливаюсь и хватаюсь за бок. Он покалывает от быстро набранного темпа.

Тучи над головой сгущаются, и не скажешь, что наступил бархатный сезон.

— Что значит «сильно избитым»?

Ощущение чьего-то взгляда въедается в мои лопатки до боли. Толчок — и чуть ли не падаю.

— Парни вышли на крыльцо и увидели. Вызвали скорую, полицию.

— А нападавший? Его поймали?

Оборачиваюсь с резким движением и взглядом кружу по кустам. Я здесь одна, и не помню, чтобы раньше испытывала из-за этого дискомфорт.

— Не-а.

Повисает пауза.

Вчера вечером была вечеринка по случаю начала баскетбольного сезона. Команда моего брата Руслана победила, но он привычно не пошел. У него же теперь девушка, и он предпочитает проводить время с ней один на один. Я не против. А то еще будет приглядывать, а мне уже двадцать один!

В клубе было много людей, в основном это студенты Академии и фанаты команд. Со мной познакомился один. Мы проговорили пару часов, и парень показался мне интересным. Вика даже не стала мешать нашему общению, подмигнув мне напоследок. Его звали Олег, и он угостил меня мохито. Потом взял номер телефона, перед тем, как я села в такси и поехала домой. Было три часа утра.

И вот... Олега кто-то избил. Наш город довольно маленький, и такое происшествие здесь сродни всеобщей беде.

Немыслимое преступление. Так и вижу утренние заголов-

ки в новостных пабликах.

— А как же камеры? Свидетели? В клубе было многолюдно.

Взволнованно покусываю пухлые губы, продолжая чувствовать жжение между лопаток.

Наверное, я себя накручиваю. Новость просто неприятная, выбивающая из колеи.

— Не поверишь, все пусто. По крайней мере, во всех группах тишина и ни одного даже мутного снимка с камер.

— Ясно, — замолкаю.

Домой возвращаюсь в упадническом настроении. Быстро переодеваюсь в форму и доезжаю до Академии за целых полчаса до начала занятий.

Перед глазами всю дорогу стоит милое улыбающееся лицо Олега.

Вообще с той злополучной сентябрьской ночи все мои милые знакомства заканчиваются не так, как мне хотелось бы. Будто кто-то навел порчу или наложил тяжелое заклятие. Короче, что-то жуткое и нехорошее.

Мне не хочется думать, что все из-за него — парня с черными пустыми глазами и звериной хваткой. С того грязного момента моей жизни до сих пор испытываю жгучий стыд. Я не говорила об этом никому ни слова. Ну, почти...

— В Академии новенький. Такой красавчик! — Подруга падает на стул и обдает меня ароматом свеже сваренного кофе. В желудке зарождается голод, и я понимаю, что со всеми

новостями забыла позавтракать.

Вид у Вики уже влюбленный.

— И кто он?.. — равнодушно спрашиваю.

— Артемий Жданов, — отвечает с придыханием. — Только что подслушала у секретаря, и... мы даже успели познакомиться.

Телефон со свежим постом для группы Академии выскальзывает из пальцев. Картинка перед глазами расплывается, и я не могу вздохнуть — в груди острая боль. Кажется, будто весь кислород высосан из моего тела. От головокружения и слабости подступает тошнота. Губы против воли начинают гореть адовым пламенем. Чертовы воспоминания той ночи!

— Ты что... его знаешь? — подруга прищуривается, изучив оттенки моей реакции на самое обычное имя.

Отчаянно мотаю головой, но румянец на щеках не смыть и кислотой.

— Нет! — выкрикиваю.

У самой в памяти играет заезженной пластинкой голос Жданова: «Ты будешь моей, Мирра, любой ценой...» Затем хлопок двери, мое учащенное сердцебиение. Оно не успокаивалось ни через минуту, ни через пять, ни через полчаса.

С той роковой ночи прошел ровно год, а я помню каждую деталь мимолетной встречи. Не может же быть, что Артем решил исполнить свое обещание через двенадцать месяцев? Или все же... может?

Глава 2. Мирра

Всю лекцию по зарубежному искусству слушаю вполуха. В теле дрожит каждая мышца после услышанной новости. За полтора часа я напридумывала столько, что голова кругом.

Как только заканчивается лекция, выбегаю из зала, не обращая внимания на вопросы и недовольства Вики. Плевать...

Пuls скачет галопом, и сердце будто переместилось в горло. От каждого шага и судорожного дыхания подкашиваются колени.

— Мирра, во сколько сегодня тренировка? — окликает меня одна из девчонок по черлидингу. Я капитан нашей команды с первого курса.

— У меня еще два семинара, а ты куда? — слышу знакомый голос с моего потока. Кажется, Лера...

— Мирра, подожди меня. Ты в столовую за кофе? — за мной уже подросла Вика.

Состояние такое, что я вот-вот упаду в обморок. В голове хриплый, наполненный сладким вязким сиропом, баритон. В тот момент он сводил меня с ума, руководил мной, как... куклой.

Я бегу, пока не врезаюсь в мощное тело. Меня сотрясает от удара до звона в ушах. Я врезалась не в человека, а в скалу. Правда, она приятно пахнет лимоном и кедром. Дорогой

запах, нишевый.

— Уоу, вот это ударчик, — звучит над головой.

Руки незнакомца ложатся на мои предплечья и слегка их сдавливают. Вдох застревает в легких полым пузырем, пока я медленно поднимаю голову и ввинчиваюсь острым взглядом в знакомые черные, но пустые глаза. На его лице легкая, ничего не значащая улыбка, но она тяжестью падает мне в живот.

Артемий Жданов. Мой приторный кошмар последнего года. Ровно 365 дней прошло с той минуты, как мы виделись последний .

— Прости, — в попытках сохранить лицо, нестерпимо покусываю губы и мошкой бегаю взглядом по форме новичка. Она, блин, ему идет. Пиджак выгодно подчеркивает широкие плечи, а светлая рубашка оттеняет цвет кожи. Не говорю уже о вальяжно развязанном галстуке, болтающемся где-то в районе грудной клетки.

— Мне было даже приятно, — звучит твердо, но... как угроза.

Вглядываюсь в его глаза и не вижу и тени того, что Жданов меня узнал. Такое возможно?

— В следующий раз лучше смотри, куда бежишь. Это опасно.

Киваю, подтверждая, что поняла. Больше не получается сказать и слова. Я чувствую себя трусливой птахой, когда стою в своей Академии, на своей территории, в кругу знако-

мых мне людей.

— Я рад тебя видеть, Мирра. Кажется, в прошлый раз мы не договорили, — шепчет так, что слышу только я. — У нас появился шанс продолжить тесное общение.

Нет, Жданов меня узнал и, что плохо, не забыл. Отскакиваю от Артема, словно тот — злосчастный, опаснейший вирус. Холера!

Ни одной эмоции не отражается на его лице, красивом лице, лишь едва заметная улыбка. Ровно такая же была в ту ночь. А еще долгий, пронзительный взгляд заманивающий к себе, как мышонка на сыр в мышеловку.

— Артемий Жданов, если ты забыла, — протягивает большую ладонь. Внизу живота заныло. — Но ты не забыла, верно?

Игнорирую протянутую руку, хотя я прекрасно ощутила фантомное теплое касание и покалывающие токи от центра ладони до каждого пальчика.

— Добро пожаловать в Академию Рейвенс, Артемий Жданов, — выдавливаю из себя по крупицам и выпрямляюсь.

Он — сын известного на всю страну банкира, а я — Мирра Бирн. История моей семьи странная и полна пороков, но я владею этим местом, а мои предки — известные личности, удостоенные многих почестей и наград.

Домой попадаю ближе к вечеру и застаю брата на кухне, закопанным в ворохе бумаг. Рядом с Русланом двое наших

адвокатов, и все трое о чем-то тихо, но все же эмоционально переговариваются. С тех пор, как маму перевели в пансионат для больных закрытого типа, а отца поместили под стражу на время следствия, мы остались в большом доме одни. И странно видеть здесь посторонних, еще и в такое время. Девушку Руслана — Лидию — я в расчет не беру.

— Что-то случилось? — подхожу ближе и кладу ладонь на плечо брата. Руслан тут же напрягается, и от меня не скрывается его обеспокоенность по какому-то вопросу.

Адвокаты переглядываются. Я догоняю, что дело дрянь.

У нас не осталось денег? Наследство утеряно? Что?...

— Мы больше не в состоянии владеть и содержать Академию. Нам необходим инвестор, — сухо говорит Руслан.

Адвокат, тот что постарше, с усиками, одобрительно кивает.

— Нам придется выставить ее на торги? Усадьба принадлежала нам всегда, Руслан. Нельзя отдавать ее с молотка. Академии не станет! — повышаю голос.

— Продавать не придется. Я нашел инвестора. Точнее, он нашел меня сам.

— И кто он?

— Борис Жданов. Это...

— Я знаю, кто такой Жданов, — распахиваясь, выкрикиваю. Пальцами зарываюсь в распушенные волосы. Под влажными от стресса подушечками пальцев горит кожа.

— Держись подальше от его сына. С сегодняшнего дня он

учится у нас, на курс старше твоего. Жданов... странный.

— Всенепременно, — почти раскланиваюсь и, бросив стреляющий взгляд на брата, взбегаю по лестнице к себе в комнату.

Боюсь, мои желания не будут учитываться самим Ждановым, раз он все же заявился за мной спустя целый год! Спустил ровно триста шестьдесят пять дней, как и обещал.

Глава 3. Мирра

Забежав в свою комнату, захлопываю дверь и наваливаюсь на нее спиной.

Легкие горят от той скорости, с которой я поднималась по высокой лестнице.

— Алиса, включи «Maneskin»!

— Включаю, — отвечает голосовой помощник, пока я стягиваю с себя форму. Игнорирую вешалку и бросаю блузку с юбкой на пол.

На всю комнату на громкости «десять» раздаются басы и сексуальный голос Давида.

Все происходящее похоже на какую-то трагикомедию, где я в главных ролях. Мне хочется смеяться от абсурдности и в то же время понимаю: я напугана тем, что может случиться завтра. Или послезавтра. Да каждый божий день.

Нет, мой страх не связан с самим Артемием Ждановым. Он ведь просто парень. Я боюсь, что Артем заговорит о нашем секрете. Тогда моей репутации конец. Мирра Бирн пойдет ко дну.

Ну и его обещания кажутся мне жуткими. В двадцать первом веке, когда в мире в президенты могут выбрать женщину, говорить девушке: «Ты станешь моей любой ценой» — дно!

Расстегнув рюкзак, выуживаю из кармана телефон и от-

крываю секретный чат.

Он был создан меньше года назад на базе Академии. Руслан о нем не знает.

Ходили слухи, что этот чат создал один из друзей Руса — Теодор Росс. А вот с какой целью — неизвестно.

Конфета55: «Привет. Чем занимаешься?»

Vampire22: «Не поверишь, готовлюсь к завтрашнему тесту».

Конфета55: «Уже? Учеба только началась!»

Vampire22: «Скажи это Прокофьеву. Старикашка озверел. Ему на покой пора. Триста лет, он еле ходит!»

Хихикаю, прочитав последнее сообщение.

Прокофьев и правда пожилой мужчина, точный возраст которого определить ну никак нельзя. Может, восемьдесят, а может, и триста. Но память у него лучше моей. Он помнит все! А еще Прокофьев очень вредный, поэтому понимаю недовольство «Вампира».

Кстати, о нем...

Мы общаемся меньше года, и с каждым днем наши разговоры становятся более личными. Это должно пугать, но «Вампир» не в курсе, кто скрывается под ником «Конфета», как и я не знаю, кто он такой, как ни старалась выяснить.

Я делаю ставку, что за «Вампиром» прячется Камаев Илья.

Баскетболист, играет в команде брата. Брюнет с зелеными, как майская листва, глазами.

Высокий, конечно же, подкачанный, и от него всегда приятно пахнет апельсином и древесной корой. Мы часто становимся в коридоре, и Илья мне каждый раз подмигивает.

У их потока как раз завтра пара у Прокофьева.

Ну точно Камаев.

Vampire22: «Как прошел твой день?»

Телефон пиликает, и я хватаюсь за него, будто его кто-то может у меня увести из-под носа.

Конфета55: «Могло быть и лучше».

Vampire22: «Кто-то обидел?»

Вздыхаю, стараясь потушить внутри огонь на раздраженных нервах. И самое обидное, что по факту никто не обидел.

Vampire22: «Я могу объяснить, что обижать классных девчонок нехорошо».

Vampire22: «Кто он?»

— Ох, лучше тебе не знать, чтобы не огрести проблем. У Жданова чувства юмора — ноль! Он мрачный и опасный тип, — говорю это, глядя на экран.

В ту ночь ты так не думала, Мирра...

Конфета 55: «Старикашка Прокофьев».

Отвечаю и блокирую телефон. Профессор каждого может достать и испортить настроение. Поэтому и не вру вовсе.

Избавившись от остальной одежды, направляюсь в душ.

Останавливаюсь у самой двери с четким ощущением, что я видела кого-то на балконе боковым зрением. Знаете, когда улавливаете чей-то темный образ, и сердце срывается вскачь.

Ты поворачиваешься, но... никого.

Ощущения только не исчезают бесследно, и ты думаешь о них и думаешь. Пока не говоришь довольно громко:

— Да ну бред!

А когда выхожу из душа застаю комнату не в том состоянии, в котором я ее оставила.

Форма аккуратно висит на вешалке. Кто-то ее поднял и повесил. Рюкзак поставлен на стул, брошенный телефон теперь лежит на столе. Пищит входящими сообщениями, я игнорирую их.

В комнате прохладно. Словно кто-то держал балконную дверь открытой долгое время.

Никто не мог пройти на территорию. Это... невозможно! Как и зайти ко мне в комнату без спроса.

На мягком диванчике, где я люблю засесть с журналом, ветка неизвестного мне куста. Ее явно не ветром занесло, не подбросил кто-то снизу и не кинул с крыши.

Кто-то *пробрался* ко мне на балкон... И в комнату.

Беру в руки странного вида ветвь с мелкими красными цветочками.

— Ай! — вскрикиваю.

На пальцах выступает кровь. Толстую часть ветки покрывают острые шипы. Проколы начинают ныть.

— Что за черт?

Отбрасываю на пол. В голову лезут мысли об отравлении или заразе. Нельзя брать в руки неизвестное растение, оно

может быть опасно для человека.

На диванчике под веткой обнаруживаю записку: лист картона, сложенный вдвое. Красивым почерком написано:

«Мирра. Дерево, из которого получают ароматическую смолу. Она пахнет солнцем, ванилью. Тобой».

Здесь, в моей комнате, был Жданов. Он проник на территорию незамеченным, он знает, где моя комната, и он следил за мной, когда же я скроюсь в душе.

Мурашки разбежались по коже.

Я уверена в этом так же сильно, как и в том, что это только начало...

Глава 4. Мирра

На следующий день иду в Академию, оглядываясь.

Я бы могла рассказать все Руслану, мне бы приставили охрану или передвигалась бы я только под руку с братом. Но мне пришлось бы рассказать все!

— Приветственная вечеринка в выходные. Идешь? — Вика налетает со спины всем весом. Мы едва не падаем.

Сердце простреливает от испуга. Не сразу нахожусь, чтобы натянуть на лицо улыбчивую маску.

— Еще не знаю.

— Как это? Там будут все, — и подмигивает. — И потом, нужно познакомиться с новым владельцем нашей Академии. Ты же помнишь, что он красавчик? Но чур, — выставляет указательный палец, — он мой.

Усмехнувшись, продолжаю свой путь до библиотеки. Начало лекции через пять минут.

— Боюсь, я буду занята...

— Какой ты стала скучной, Бирн.

— И откуда вообще информация, что Жданов — владелец Академии? — захожусь. От одной только фамилии. Внутри колет и зудит от раздражения.

— Ну как же? Слухи. С утра все только об этом и говорят. А ты... не в курсе? — ее хитрый прищур заставляет чувствовать себя не в своей тарелке.

— Жданов — инвестор. Владелец Академии — Бирн. Так было и так будет, — говорю громко и уверенно, а внутри поселяется тревога, которой я не могу найти успокоение.

— Как скажешь, — ведет плечом и ускоряет шаг.

В библиотеку мы входим порознь.

С сегодняшнего дня в учебный план студентов моего курса вводится новая дисциплина. Мы узнали об этом сегодня рано утром. «Сценарное мастерство». Преподает его Графский Владимир. Отчество не указано.

Занимаю первую парту, достаю из рюкзака принадлежности и наблюдаю за остальными. Все тоже немного в смятении. Еще ни разу за все время существования Академии, а это более ста лет, не вводили новые курсы после начала учебного года.

— Рад приветствовать вас, уважаемые студенты Академии Рейвенс. Вы наверняка уже прочитали название курса и мое имя на стенде, но я повторяюсь. Этот год мы с вами проведем за изучением сценарного мастерства. Ко мне можете обращаться просто Владимир, — его лучезарная улыбка обращена к каждому сидящему здесь.

Этот Графский довольно молод. На вид и тридцати не дашь. Высокий, подтянутый. Я бы сказала, даже больше жилистый, чем мускулистый.

И это первый преподаватель на моей памяти, пришедший на лекцию... в джинсах и клетчатой рубашке. Точно пять минут назад слез с вороново коня. Только сапоги поменял на

крэссовки из нэвой коллэкции. Препод явно не бедствует.

Через резко распахнутую дверь входят несколько студентов последнего курса. Их не больше десяти человек. В первых рядах Камаев, затем пара ребят из свиты Греха — моего брата. Девчонки из сборной по черлидингу. Я аккуратно машу им рукой. Замыкающий — Артемий Жданов.

Адреналин накачивает собой кровь, в висках пульсация. Места проколов от ветки мирры вновь заныли. Шипы вонзились в кожу довольно глубоко.

Без спроса, Жданов присаживается рядом, выставляя ноги вперед. Вообще делает вид, что мы не знакомы. Ни улыбки, ни подмигивания. Ни-че-го.

Это успокаивает, но и волнует. Вчера он пробрался ко мне, наблюдал, напугал до чертиков, а сегодня вдруг имя мое забыл?

А если все же в комнату ко мне пробрался кто-то другой?... Господи, еще немного, и у меня начнется настоящая паранойя.

— Раз наконец-то все в сборе, — Графский подсчитывает присутствующих «по головам» и пробегается глазами по листу со списком. — Начнем лекцию?

— В следующий раз переодевайся в ванной комнате. Кто знает, что скрывается за окном, — Жданов говорит тихо, направляя свое внимание на раскрытую тетрадь, выводя там какие-то термины, о которых только что сказал Графский.

Значит, это был он...

Тусклый свет, льющийся из верхних окон, падает только на Артема. Я вижу летающие пылинки, оседающие на его плечах и волнистых каштановых волосах. А потом встречаюсь с помутневшим взглядом его глаз.

— Не смей за мной следить, — цежу.

— Мирру, кстати, было очень сложно достать, — уголок его губ на долю секунды улетает вверх. — Оказывается, не так просто ее завести. И ты же не укололась? Ветки мирры довольно опасные. Там шипы.

Я не знаю, что предпринять, чтобы этот парень меня услышал. Он будто не понимает мою речь и не знает законов.

— Платье на приветственную вечеринку я тебе пришлю. Не отказывайся.

Наклоняюсь к Жданову, чтобы прошептать как можно зло, но Артем в этот момент поворачивается. Наши лица оказываются близко. Бессознательно опускаю взгляд на его полные губы с характерным изгибом. Его щеки гладко выбриты, от кожи вкусно пахнет гелем после бритья.

Воспоминания возвращают в ту ночь.

— Я приеду за тобой сам.

— Второй раз к тебе в машину я не сяду.

— Начало в восемь. И да, я передумал. Раздевайся теперь только в комнате, никак не в ванной.

— Больной, — говорю чуть громче, чем следовало.

Наша парта притягивает лишнее внимание. Я даже взглянула на Камаева, вдруг он ждет какого-то от меня сигнала о

помощи. Илья сидит в телефоне...

— Больной... А тебе только такой и нужен, Мирра. Разве я не прав?

Посоревноваться, кто упрямее.

Давай поиграем, Артемий Жданов.

Глава 5. Мирра

Как только заканчивается лекция, Жданов исчезает из зала по щелчку пальцев. Вот бы он вообще мне привиделся. Но это лишь мечты. Присутствие Артема в моей жизни и жизни Академии ощутимее с каждой минутой.

Вот он новый студент, вот уже выяснил адрес моего дома и где именно расположена моя комната, вот он организует вечеринку.

Все похоже... спектакль!

— Читай, — Вика протягивает мне свой телефон, поднеся его почти вплотную к глазам.

Мы быстро выходим из основного корпуса в физкультурный центр.

Строчки плывут, ухватиться за смысл сложно, но я все-таки понимаю, о чем речь в объявлении. Пальцы самопроизвольно впииваются в ляпку рюкзака, и меня накрывают волны жара. Я в гневе.

— *«Через неделю, десятого числа, состоится студенческий совет, где будет избран путем голосования новый лидер. Он будет отвечать за организацию всех мероприятий как внутри, так и за пределами Академии, контролировать распорядок и обязанности студенческих групп, выступать гарантом интересов перед преподавателями»*, — Вика зачитывает то, что я бегло просмотрела.

— У него ничего не выйдет, — бурчу под нос, чувствуя, как по сердцу расходятся громкие удары, мешающие равному дыханию.

— Царство Руслана Бирна под угрозой, — на ее лице ехидная улыбка, от которой я злюсь еще больше. — Нет, я не против твоего брата, но новенький решительно настроен забрать власть в свои руки. А что? Рано или поздно это должно было случиться. Зная, к тому же, где сейчас ваш отец.

Раньше все девчонки без исключения пресмыкались передо мной. Фамилия Бирнов в этих стенах была чем-то вроде тотема. Но отца посадили, и на нас с братом посыпались проблемы одна за другой. И главное — у нас пытаются отобрать Академию и скинуть с правящей вершушки.

— Голосование, Вика. Все решит голосование. Если мой брат, конечно, не преподаст урок Жданову до назначенного дня, — бросив полный презрения взгляд, иду переодеваться на физкультуру.

В Ададемии друзей нет. Это стоит знать каждому, кто переступает порог элитного заведения. Ададемия не прощает ошибок, и... не любит новеньких. Не любила, то есть. Но ситуация с красавчиком Ждановым многое изменило за один день.

Переодеваюсь за занятие я в одиночестве

Кто бы мог подумать, что Бирны окажутся одни против всех?

Интересно, как дела у Руслана? У него хотя бы есть Ли-

дия и свита. В первой я уверена, а вот относительно ребят есть некое волнение. Не исключая, что, почувствовав власть в руках другого, парни отвернутся от брата.

А я... абсолютно одна. Вика мило болтает с девчонками из группы. Те частенько скашивают на меня свои оценивающие взгляды. Это настораживает.

— Не знаю, как вы, но я точно буду голосовать за Артема. Вы в курсе, что он обещал закрытые вечеринки с приглашенным диджеем из Майами? DJ Мот. Слышали?

— Последний год он возглавляет топ чартов. Звезда! Нервно подрагиваю ногой.

— У Жданова еще есть какие-то связи с ректором. Артем обмолвился, что будут пересматривать весь учебный план. Просил, правда, не распространяться и все такое. Сами понимаете.

Их хихиканье слышится мне назойливым зуденьем.

— Мирра, а ты за кого будешь голосовать? — вопрос прозвучал с вызовом. Моего ответа не требуется, девчонки... издеваются.

Это еще больше накручивает меня, и ни одной хорошей мысли не остается в голове.

Я не знаю, какую конкретно цель преследует Жданов, но мы в самом начале его плана.

Хотя... загнать меня в угол, снять с моего пьедестала королевы Академии, чтобы протянуть руку помощи? Вполне типично для мажора. Артем себе на уме, закрытый и стран-

ный, но он все же мажор с манией величия до небес. Особенно, когда я жестко его отшила. В ту ночь!

Но да, сниматься с заслуженного звания «королевы» унижительно. Жданов точно знает, на что давить и как *мстить*.

Изучал меня и мою жизнь, Тема?

Я широко улыбаюсь, повторяя про себя, что они еще заплатят за все. На каждую девчонку, отвернувшуюся от меня, смотрю долго и в упор.

— Место короля еще надо заслужить. Если вы думаете, что речь только в голосовании, то глубоко ошибаетесь. Поумнейте наконец, вы же студентки лучшей Академии страны, — подмигиваю Вике и ухожу с пары.

К черту эту физкультуру.

Домой приезжаю заведенной до предела.

Единственная радость, что никто не позвонит моему отцу и не скажет, что его дочь прогуляла занятие. У Эдгара Бирна был пунктик на этот счет, точно я злостная нарушительница, прогульщица и вообще не достойна носить знаменитую фамилию.

Кто бы говорил, да папуля?

Захожу в комнату, надеваю наушники и до вечера слушаю любимую группу. Выхожу только на ужин.

— Ваш брат просил передать, что сегодня он с Леди Лидией ужинает в ресторане. Руслан не мог до вас дозвониться, — Барнард, наш бессменный дворецкий, сообщает и подает мне запеченную картошку с мясом.

Кажется, брата совсем не волнует, что творится в его Академии. *У него свидание! У него любовь!*

Так-то я рада, что вот бы тряхнуть его за плечи и крикнуть: «Очнись! Мы тонем!»

— И вот еще просили передать лично в руки, — на стол опускается большая и увесистая коробка.

Дыхание замирает, в животе собирается пустота, вызванная волнением.

Выглядит... как подарок.

— Открыть? — Бернارد спрашивает с нескрываемым любопытством.

Пока здесь жил наш отец, я не могла принимать подарки от поклонников. Даже букеты. Это делало меня легкомысленной? Легкодоступной? Глупой девкой? Не мои слова — отца.

— Принесли полчаса назад. Я не стал поднимать к вам в комнату, вы все равно бы спустились к ужину. А коробка тяжелая.

Берни лет шестьдесят. Или больше. Он служит он сколько я себя помню и еще два поколения до меня. Может, он даже видел динозавров.

— Понимаю. Молодец, что не стал подниматься с такой тяжестью на второй этаж, — улыбаюсь, а внутри столько тревоги, что съеденный ужин готов показаться на тарелке вновь.

Холодными от волнения пальцами открываю крышку и замираю.

Бернард впервые на моей памяти присвистывает. Там большое количество ягод в шоколаде. Клубника, малина, голубика. Шоколад, уверена, вкуснящий, и целая коробка обошлась в приличную сумму. Стоит представить, и я вмиг закашливаюсь от изумления.

Сбоку вставлена открытка. Зыркнув на Бернарда, открываю у себя на коленях.

«Твои губы вкуса ягод в шоколаде».

— Черт! — ругаюсь и сминая толстый картон.

Он все помнит и будет напоминать мне...

Другой рукой бью себя по лбу. Это надо было так вляпаться?

Не задумываясь, стягиваю одну ягоду и отправляю в рот. На языке растворяется райский вкус. Стоило прожевать, рядом от входящего звонка вибрирует телефон.

Абонент не знаком мне, лишь набор красивых цифр. Не просто красивых, а одинаковых. Одни единички, и я уже знаю, кому они принадлежат.

Провожу пальцем по бегунку, но не говорю ни слова.

— Вкусно?

Чуть было не давлюсь второй клубникой и бросаю взгляд на окно напротив. Там темно, и я ничего не вижу. А вот мой собеседник — да. Знать, когда именно я открою коробку и съем хоть ягоду, нельзя. Можно увидеть.

— Это швейцарский шоколад. А десерт сделал знакомый шоколадье. Коробку доставили мне домой час назад на част-

ном самолете.

— Мне следует сдать ягоды на экспертизу? Вдруг там яд? Потом забальзамируешь мое тело и будешь любоваться.

«*Только так я стану твоей*», — эту часть моей пламенной речи опускаю.

— Нет. Ягоды выращены в экологически чистом районе. Без химии. А какао-бобы для приготовления шоколада самые лучшие. Ты можешь есть, не опасаясь.

— Жаль, я не люблю ни клубнику, ни шоколад, Артем, — и сбрасываю звонок. Коробку оставляю на столе, кинув туда скомканную открытку и салфетку, которой промакнула губы. Клубника была сочной и очень вкусной. Отправляясь к себе в комнату, чувствую жжение между лопаток как в день пробежки. Напротив лестницы большое окно.

Засыпаю с тяжелым сердцем. А сквозь сон чувствую чей-то настырный взгляд в области груди. Там горит и чешется.

В комнате я не одна. Открыв глаза, вижу сидящую в кресле фигуру.

Глава 6. Мирра

— Что ты здесь делаешь? Ты в курсе, что это проникновение на чужую собственность!

Я знаю, что в кресле сидит он — мой ночной кошмар с симпатичными чертами лица и губами, которые целовала несколько ночей подряд. Во сне, разумеется.

— Разве я мешаю тебе спать? Я просто сижу и наслаждаюсь. Смотрю, — Артем говорит это таким тоном, будто его совсем не смущает, что он пялится на чужую девушку посреди ночи на чужой территории. Для него это обычное дело.

Подтягиваю одеяло ближе к груди и скрещиваю руки. Смотрю на нежданного гостя волком. Жданов хоть моргнул бы или как-то показал, что его застали врасплох. Хозяйка же здесь я и в гости никого не ждала.

— Я могу вызвать полицию, Артем, — пробую вложить что-то вроде нежности в голос, когда внутри колотит от ярости.

— Но ты этого не сделаешь, — отвечает уверенно и сухо. Парень не допускает мысли, что я правда могу это сделать. Телефон на зарядке рядом с кроватью, мне стоит набрать короткий номер охраны, и через минуты две здесь будут ребята. Как только этот одержимый смог обойти системы, пройдя на территорию незамеченным?

— Почему ты так в этом уверен?

— Для начала, ты не закричала, ты не стала угрожать...

— Я угрожала! — повышаю голос до першения в горле.

Все же я не хочу привлекать внимание спящих в доме.

Становится жарко, кровь нагревается и закипает по мере каждого сказанного им слова.

— Прозвучало так: «Ты в курсе?». Это не равно угроза,

— его усмешка излишне высокомерная.

Жданова еще никто в его жизни не ставил на место. Это проблематично. Артем умный, хитрый, и у него будто всегда есть какой-то запасной план. Такого обвести вокруг пальца не получится. Поэтому он и опасен.

— Ты не стремишься убежать от меня в ванную, не ищешь глазами оружие, чтобы защититься. Да и я не нападаю. Для твоего успокоения спешу заверить: я не причиню тебе вреда, Мирра.

— Тогда зачем это все?

— Затем, чтобы ты стала моей. Я не насильник, заставить тебя делать что-то против воли — не мой способ.

— Отлично, а проникать в чужую комнату и следить — твой.

— Но тебя это больше злит, нежели... пугает, так? — Жданов перекидывает одну ногу на другую и проводит несколько раз руками вдоль подлокотников, обитых бархатной тканью. Он чувствует себя вполне комфортно.

И он, черт возьми, прав.

Я в бешенстве от его вольного поведения и абсолютного

отсутствия понимания личных границ. Да, в первые секунды испытываю испуг. Но это обычная реакция организма, как, например, нечаянный укол иголки. Это не значит, что мы боимся иголок как таковых. Я не чувствую страха за свою жизнь от всего проделанного Ждановым.

— Это меня в тебе и зацепило, Мирра Бирн, — его улыбка отчего-то вызывает во мне стыд и жар.

Не вовремя вспоминаю, что на мне тонкая ночная сорочка, а на голове бардак от трения головы о подушку. А Артем, как и в первую нашу встречу, одет с иголочки. Фирменные джинсы, поло, сверху кожанка.

— Значит, ты так и будешь заявляться ко мне каждую ночь, присылать подарки и преследовать меня, — прочищаю горло. Смущение забирает умение говорить. — Пока я не позволю тебе закончить, что мы начали? Знай, этого не будет.

Артем поднимается с кресла и вышагивает по моей комнате. Пока я слежу за каждым его передвижением, он разглядывает имеющиеся у меня вещи.

Целый год — г-о-од! — Жданов не давал о себе знать. Как вдруг ужасная догадка, что все это время он вынашивал план, разрывает мое дыхание в клочья. Под ложечкой засосало, и вот сейчас по-настоящему пугаюсь.

— Ты, должно быть, не знаешь, моя Мирра, что все, что я задумал, всегда довожу до конца. Еще не было той цели, которую бы я не достиг. Вопрос лишь во времени, деньгах,

стратегии.

— У тебя что-то не в порядке с головой, Тема.

Жданов морщится, словно ему прилетела осязаемая пощечина. Я представила это в красках.

Тема... Спорим, его никто и никогда так не называл.

— А у тебя, Мирра?

Жданов становится напротив моей кровати. Его колени упираются в край матраса, и парень возвышается надо мной и кажется мне огромным зверем. Медведем. Глаза в полумраке сверкают, губы кривятся в чуть заметной усмешке.

В ту ночь я готова была совершить безумие. Если бы я довела дело до конца, то вряд ли бы носила потом фамилию Бирн. То безумие не вяжется со здоровой головой и психикой.

— Если все же ты проиграешь? — спрашиваю боязливо.

— Не получится сделать меня своей, а?

— Спорим?

Я фыркаю. Артем беззвучно смеется.

Он прав, с головой у меня тоже проблемы. Кто в здравом уме будет спокойно, но не без язвительности, общаться с психом, проникнувшим на чужую территорию?

— Иди к черту.

— Мы с ним друзья, — подмигивает. — Три месяца, Мирра Бирн, и ты будешь моей окончательно и бесповоротно. Пока смерть не разлучит нас и все такое.

— Я. Тебя. Не люблю. Артемий Жданов! — поднима-

юсь на колени и говорю это ему близко к губам. На эмоциях.

— А я разве говорил про любовь? — холодная улыбка, следом смешок завязывают узлы в солнечном сплетении. Чувствую, что горблюсь, становлюсь меньше, превращаюсь в крошку. — Я сказал: «Ты будешь моей». Снова не слушаешь...

Недовольно покачивает головой и в два шага оказывается у балкона. Плохо представляю, что он в таком виде забрался ко мне на этаж и перебежал газоны.

— До завтра. Постарайся выспаться.

Он скрывается за дверью, но в последний момент разворачивается полубоком. Свет полной луны освещает его профиль, делая этого психопата красивым. Опасным, безумным и невозможно красивым. В сердце наблюдается переполох.

— Надень в Академию голубую блузку. Этот цвет делает твои глаза глубже. Они становятся небесными.

На несколько секунд Артемий замирает на мне взглядом. Ни один мускул на его лице не приходит в движение. Жданов превращается в бездушную ледяную статую.

А когда скрывается в ночи, я обнаруживаю на туалетном столике ветку Мирры.

Глава 7. Мирра

От утренней пробежки отказываюсь. Во-первых, после ухода Жданова я так и не смогла уснуть. Во-вторых, его прожигающий спину взгляд ощущается как касание каленым железом — неприятно до дрожи.

Открыв шкаф, останавливаюсь на белой блузке. Фиг ему, а не голубой цвет, оттеняющий мои глаза.

Закинув в себя тарелку мюсли с молоком, запрыгиваю в машину и еду в Академию. Сегодня к первой паре, и я вновь опаздываю. На пассажирском сиденье, кто бы мог подумать, снова веточка Мирры. Ее будто только что срезали. Аромат на весь салон.

И нет... Меня уже не пугает, что Жданов вскрыл как-то мою машину на закрытой территории дома, оставив напоминание о своей одержимости мной.

«Я просил голубую блузку...» — читаю в записке. Сминаю черный листок и закидываю комочек в бардачок.

Припарковавшись у Академии, до главного корпуса добегаяю. В лекторий захожу с ощущением надвигающейся беды.

Жданов уже сидит на моем месте. Ну не совсем на моем, а рядом. Пораздумав, бесшумно дохожу и занимаю место за столом.

Я его не боюсь!

Взгляд Артема катается по моим губам, и чувствитель-

ную кожу пощипывает. Будто целовались только что! Горячие ощущения с той ночи не покидают мою голову и тело ни на миг.

— Я ждал тебя, — говорит с едва различимой претензией. Шум в зале слегка заглушает его голос.

Сегодня в его форме отсутствует галстук. Непривычно. Но сыну нового инвестора Академии наверняка позволено игнорировать правила.

— И с какой целью ждал? — говорю тихо, стараясь не шевелить губами. Моя паранойя, что все вокруг уже в курсе нашего секрета, достигает своего апогея. Для Мирры Бирн это было бы позором!

Жданов вместо ответа хмыкает.

— Слушай, Тем... — обращаюсь сладко и с льстивой улыбкой.

Читала, что маньяк в своей жертве привлекает... *жественность*. Еще страх, неподчинение, агрессия на расставленные тиски. А если сменить тактику?

— Артемий, — грубо перебивает. — То, что ты моя, не значит, что из меня можно строить очередного дурачка, которому ты вскружила голову, — с высокомерием продолжает.

Чувствую себя униженной. Ни один парень не позволял себе такой тон по отношению ко мне.

— Вскружила? Голову? — повторяю, сделав нервный вдох, такой же выдох. Перед глазами разлетались мушки.

Артем поворачивается ко мне полубоком. Его губы кричатся в улыбке, которую улыбкой все же назову с натягом.

— Один пал жертвой твоих чар после выступления на матче, другой каждый день поджидал тебя у ворот Академии и не сдавался, приглашая тебя на свидания каждую пятницу. Был еще баскетболист из команды соперников. Два. Или три, — загибает демонстративно пальцы.

Да он смеется надо мной! Душа закипает от вырабатываемой злости при виде Жданова.

— Кто еще?... Ботаник из библиотеки, бывший одноклассник. Перед твоей красотой даже тренер не устоял.

Острый взгляд парня пронзает насквозь. Кислорода в зале поубавилось. Духота не дает дышать.

Себя в один ряд с теми парнями он не ставит точно.

— Ты следил за мной? Копался в моем прошлом?

Пф-ф-ф, ну конечно, Мирра. Что за очередные глупейшие вопросы.

Жданов делает удивленную, но абсолютно лживую гримасу. Схватившись за сердце, продолжает:

— Как я мог?!

— Ты больной! — шиплю рассерженно в который раз.

Вокруг нас все наострили уши. Всем любопытно, о чем же наш разговор. Новенький, мажор, возможно, будущий лидер Академии и королева красоты, совладелица Рейвенс, капитан команды по черлидингу.

— Ну... Кое-кто вскружил мне голову, — указательным

пальцем чертит по воздуху круги.

— Тогда, стало быть, все-таки Тема? — победно улыбаюсь. Мне нравится на самом деле. Как мягкая игрушка или тайный друг.

Внутри вдруг заиграли фейерверки.

Челюсть Жданова напрягается, он подается вперед. Обмануть или поймать с поличным этого высокомерного мажора по-прежнему сложно. И я чувствую где-то подвох.

— Я подумаю, — обдаёт мятно-кофейным дыханием. — За поцелуй. Правильный поцелуй, Мирра.

— Ни-ког-да... — теснюсь к Артему, ощущая грудью твердость его тела. Еще я помню, каково это тело обнимать.

«*Большие никогда*», — следует добавить, но студенты за соседними партами по-прежнему с интересом на нас посматривают.

Лекция у Графского проходит в штатном режиме, и за все полтора часа Жданов даже не смотрел в мою сторону. Артем делал какие-то пометки в тетради, иногда заглядывал в телефон и отвечал кому-то. Внимательно слушал преподавателя.

Мышцы глаз сжигало от частоты, с которой я косилась на новенького.

Поэтому стоило лекции закончиться, сгребаю свои вещи в рюкзак и вылетаю из зала первой. Сзади точно кто-то подгоняет. Сразу на выходе мне насильно впихивают бумагу:

«Выборы главы студенческого комитета»

Начало 9:00

Кандидаты: Бирн Руслан Эдгарович; Жданов Артемий Борисович.

Перед голосованием будет возможность задать интересные вопросы кандидатам. Явка обязательна.

— Почему-то я уверен, что твой голос будет за меня, Мирра, — Артем становится близко ко мне, шевеля своим дыханием волосы на моей макушке.

— Ты слишком самоуверен. Темочка, — разворачиваюсь на мысочках.

Мой нос утыкается в его ключицу. Форменная рубашка расстегнута на две пуговицы, и глаза въедаются в загорелую кожу, нос чувствует аромат дорогого мужского парфюма.

— Сними свою кандидатуру. Приказываю!

— Приказываешь? Звучит сексуально... Я бы сказал, до мурашек и твердости.

Краснею, как выпущенная залповая ракета с сигналом «SOS». Жар от нее охватывает легкие, и вдох застревает в горле камнем.

Наглец пялится на меня в этот момент и видит смущение, стыд, замешательство. Студенты вокруг шепчутся, проходя мимо.

— После лекций встречаемся на парковке. Обговорим, — кивает равнодушно и вдруг... теряет ко мне интерес.

Жданов обходит меня по дуге и уходит с полным ощущением того, что он — новый хозяин Академии.

После четырех лекций иду на парковку с таким же чув-

ством тревоги, как и входила в лекторий на первую пару. Артем уже ждет меня, оперевшись о капот своей машины — спортивный «Лексус» темно-серого цвета.

Вкус, конечно, у парня что надо.

— Опоздала, Мирра, — отталкивается, вздыхает и бросает взгляд на часы. — Теперь садись, прокатимся.

— Зачем?

— Ну, ты же просила разрешение называть меня «Темочкой»? А еще приказывала мне снять свою кандидатуру. Давай обсудим каждый пункт за пределами Академии. Если не хочешь привлекать внимание, — кивает на крыльцо, где все, кто выходят из усадьбы, глазят в нашу сторону.

Отлично, че. «Мирра Бирн общается с оппонентом своего брата...»

«Интерес новенького к королеве красоты слишком заметный. Между ними точно что-то было...»

Мамочки, слухов не оберешься.

— Ты не меньше моего знаешь, что твоей жизни ничего не угрожает. Не мои методы, — открывает пассажирскую дверь, терпеливо приглашая сесть.

Можно плюнуть ему в лицо и убежать к своей машине, но такое поведение недостойно меня.

Выпрямив спину, бросив взгляд на собравшуюся толпу, сажусь в машину Жданова. Она новая, здесь еще пахнет свежим пластиком и кожей.

— Пристегнись, — просит равнодушно. Так и не скажешь,

что сам позвал.

— Хотя бы скажи, куда едем. Будет честно, если я буду знать. Верить твоим словам...

— ...Можно и нужно, малыш, — вновь равнодушно, когда обращение «малыш» довольно милое, почти интимное. — Везу тебя туда, куда и обещал отвезти год назад. Свои обещания я всегда выполняю. Но ты это уже поняла. Пристегнись, — повторяет без эмоций в голосе.

Глава 8. Артемий

Год назад

Яхта Ждановых, где-то в Черном море.

Просыпаюсь от головной боли. Та раскалывает меня на части, будто тонкое стекло от удара. Спускаю ноги на пол и утыкаюсь лбом в раскрытые ладони. Перед глазами все еще вспыхивают огни стробоскопа, а в ушах гремит громкая клубная музыка, режущая барабанные перепонки своими битами.

...Я вышел продышаться. В зале стояла духота, а я ненавижу душные помещения с тонной запахов женских духов. Меня мутило от какого-то нового аромата, на котором помешались все девки. В этом городишке, у которого мы пришвартовались на ночь, все жители с деньгами, они элита. Но на дурную моду ведутся так же, как и в рабочем дистрикте Лондона.

И вот на заднем дворе замшелого мажорского клуба я увидел *ее*. Она битой «украшала» чье-то авто.

Камер нет, место темное, безлюдное. Ну, как безлюдное... За ней, как минимум, наблюдал один человек. Я.

— Полагаю, бывший? Изменил? — выкрикнул, опираясь на перила у выхода.

Девчонка обернулась. Ее губы были приоткрыты, светлые волосы взлохмачены. Конечно, с таким-то незаконным фит-

несом. В глазах миллионы огней, там зарождалась целая вселенная.

В грудь ударил мощный разряд — словно подключили дефибриллятор на полную мощность.

Красивая. Чертовски красивая.

— Пошел отсюда! — сдув прядь, ответила. — Не видишь? Я занята!

На ней была короткая юбка и топ. Но такую так просто не утащишь за угол.

— Могу помочь. Если скажешь, зачем разбивать новенькую «Ауди».

— Свали уже! — замах. Удар. — Справляюсь без любопытных мальчиков.

Вспоминаю сейчас — и улыбаюсь. Мальчики...

Новый удар простреливает черепную коробку. Пульсация под веками, и с ней — огорчение: из-за боли не получается снова вернуться во вчерашний вечер. А он был... особенным.

Приняв душ и переодевшись в плавательные шорты, поднимаюсь на палубу и делаю несколько кругов в бассейне. Только потом позволяю себе чашку кофе и скромный завтрак.

— Ты поздно вернулся, — брат заваливается в комнату и падает на диван. — Или, точнее, рано, под самое утро.

— Не думал, что ты все еще следишь за мной. Не маленький вроде бы.

И снова голос в голове твердит: «Справляюсь без любопытных мальчиков...» Но доказывать обратное я не спешу. Всеу свое время.

— Я буду делать это всегда, Темыч.

Закатываю глаза и направляюсь к бару, чтобы взять банку пива, открыть ее, дать пене выплеснуться и сделать несколько смачных глотков. Класс! То, что нужно — охладиться не помешает.

— Позер! — ухахатывается. — Вообще, хорошо, что отец тебя не застукал.

— Он в Лондоне, забыл?

Брат кивает на камеры в углу гостиной.

— Упс, — разбрасываю руки в стороны и снова подношу банку к губам. Вместо хмельного солода их обжигает тот самый сладкий поцелуй. Меня всего передергивает — словно я коснулся двух оголенных проводов, да еще и водой для надежности смочили.

Открываю ноутбук, затем почту. Сюда папины люди должны были сбросить досье на малышку Мирру. Все, что она рассказала о себе, — только имя. Гребаное редкое имя, от которого я растекаюсь, как плавленый сыр.

Меня сложно удивить. Поразить глубоко — тем более. Я не ведуь на красоту, на деньги — уж точно. Мое состояние и состояние моей семьи исчисляется миллиардами. Думаю, даже фиктивный брак ради объединения бизнеса — это не про нас.

Но вот Мирра...

— Я ее где-то видел, — брат подсаживается и заглядывает через плечо в открытое на экране досье.

«Мирра Бирн, 20 лет. Отец — Верховный судья, мама — глава благотворительного фонда. Аристократка, представитель старой интеллигенции, живущей по своим законам и правилам».

— Красивая, — говорит то, что я и так вижу.

— Не засматривайся, — лениво отвечаю и скашиваю предупредительный взгляд. Вкусы на девок у нас всегда отличались, но почему-то относительно Бирн захотелось обозначить.

Брат откатывается назад, выставив вперед ладони. Типа молчит, не претендует.

Я открываю ее фотки и погружаюсь во вчерашний вечер. Одолевает желание присвоить ее, сделать своей. Как игрушку, куклу. Собственность. Чтобы смотреть на нее днями, часами, наблюдать за каждым ее движением, слушать ее голос и смех.

Осталось разработать план.

— Влюбился?

Сминаю пустую алюминиевую банку и бросаю в брата раздраженный взгляд. От заданного вопроса вздрагиваю и морщусь, как если бы перед моим носом поставили килограмм протухших устриц. Даже тошнота подбирается к горлу, а на языке характерный вкус желчи.

Ждановы не влюбляются. Ждановы не любят. Брат прекрасно это знает, но провоцирует, так же зная, как я реагирую на провокации.

Всю свою жизнь я чувствую себя быком корриды, где красная тряпка — те самые слова, задевающие мое нутро. Раз — и я своей яростью протыкаю насквозь свою невинную жертву.

— И как будешь приручать? Девушка видная. Папа судья, сама чуть ли не подданная английской короны.

— Не волнуйся, справлюсь. Я обещал вернуться за ней через год. У меня еще уйма времени. Да и на фантазию никогда не жаловался.

— Ты улетаешь через неделю, еще через неделю найдешь юную англичанку, фанатеющую от твоего акцента, и забудешь про дочку судьи. Увидишь!

Брат забирает скомканную бутылку и уходит, оставляя меня одного.

Я долго читаю досье на мисс Бирн, изучаю все профили в соцсетях. Мне высылают даже такие данные, которые разглашают только по судебному решению. Тайна и прочая фигня. С моими деньгами разрешено все.

Облизываюсь, представляя, как загоняю ее в свою клетку, а наивная Мирра пока тихо посапывает у себя в комнате. Завтра она проснется, пойдет на пробежку, затем в эту свою Академию Рейвенс. А я... я буду рядом. Незримо, тихо, как тень.

Через неделю, как и планировалось, я вылетаю в Лондон, где учусь в маленьком городке Нордтаун — маленьком, но лишь для одного процента людей на Земле. Посещаю лекции, общаюсь с друзьями, трахаюсь.

Ровно через десять дней мне по почте приходит увесистый пакет. Охрана сразу проверяет, не опасна ли посылка, потому что никаких заказов я не оформлял.

Я Жданов Артемий, мой отец один из богатейших людей Земли, и у него сотни врагов и завистников. Надо всегда быть начеку.

Зря волновался.

— Придурок, — смеюсь во все горло, понимаю, что это «тайная» посылка от брата. Засранец решил пощекотать всем нервишки.

«Спорим? Будешь моей» — напечатано на первой странице.

Переворачиваю.

«Акт 1. Одержимость».

Я зачитываюсь до утра. А еще через день приступаю к выполнению. Мирра будет моей ровно через год и пять месяцев.

Глава 9. Мирра

Мы едем по серпантину в горы все выше и выше.

— М-м-м, и долго еще? — спрашиваю, запинаясь, и нервно поправляю волосы.

Солнце к этому времени касается линии горизонта. Какие-то двадцать-тридцать минут, и на побережье опустится ночь.

— Потерпи самую малость.

Осматриваюсь в поиске пути к спасению. Скорость машины немаленькая. С одной стороны дороги обрыв, с другой — лес. В наших краях обитает различная живность, в том числе и ядовитая. Бежать от Жданова едва ли лучшая из моих идей.

— Ты в курсе истории, произошедшей здесь с одной из учениц Академии? — постукиваю пальцами по своему рюкзаку на коленях.

— Ты про Стеллу Юсупову?

— Именно. Сейчас ты везешь меня на вершину горы, с которой у меня не очень приятные ассоциации. Мы со Стеллой неплохо общались до того, как...

— Ложь, — говорит уверенно, бросив многозначительный взгляд сначала на меня, потом на мои колени.

У меня учащается дыхание. А радужка его глаз приобрела оттенок древесной коры.

Я фыркаю, выдавая себя.

Стелла же никогда не значилась в списках в моих друзьях. Мы ни разу не делились секретами, не одалживали друг другу одежду. Наше общение длилось от силы пять минут. И когда мой брат Руслан расстался с Юсуповой, я только выдохнула.

Но откуда об этом знает Артем? Это продолжает тревожить.

— Это очень странный страх, Мирра. Человек, что хочет сделать тебя своей, вряд ли станет сталкивать с вершины горы, — Артем сбрасывает скорость и плавно притормаживает.

Внутренний голос разума осыпает критикой. Жданов, как всегда, оказывается прав — или, точнее, его выводы просто логичны. Хочется выругаться из-за собственной поспешности и взволнованности.

Артем сворачивает на подъездную дорожку, усыпанную гравием. Мелкий камень белый-белый, будто бы светится.

— Что это за место?

— Мой дом.

Круто поворачиваю голову до хруста в шее. Перед глазами расплываются черные пятна.

Писк брелока в руках Жданова, и мощные черные ворота открываются. Мы заезжаем на ухоженную территорию с зеленым газоном и множеством цветущих кустарников.

— Это уже слишком, — говорю с жаром.

Скрещиваю руки на груди, отгораживая себя от «опасности». Так и сердце удерживаю внутри грудной клетки. Оно бьется в ужасающем темпе.

— Слишком что? — насмешливо произносит, близко подъезжая к парадному входу дома в стиле неоклассицизма.

Как только Артем останавливается и щелкают замки блокировки, открываю дверь настежь и выбираюсь на свежий воздух. Куда идти не знаю. Я в панике мечусь то в одну сторону, то в другую.

Банально боюсь оставаться с Артемом один на один, на его территории, что незнакома мне.

— Одногоруппник позвал в гости. Согласен, ситуация из ряда вон, — Жданов наблюдает за моими действиями с насмешкой на лице, пока я не останавливаюсь в своих трепыханиях.

Возьми себя в руки, Мирра! Он обычный мажор!

— Не «позвал», а вынудил сесть в машину и увез в неизвестном направлении. Я могу сказать, что это похищение, — шагаю на Артема, пытаюсь за его спиной рассмотреть детали дома.

Светлый кирпич, два этажа, кованые небольшие балкончики. В гостиной панорамные французские окна с выходом к зоне отдыха и бассейну. Дом раза в три, если не в четыре, меньше нашей усадьбы.

— Я пригласил тебя в гости, как и обещал год назад. Помнишь? Ты села в машину сама, и за весь путь не коснулся

тебя ни разу. А мне не терпелось. Ворота открыты, ты спокойно можешь выйти и добраться до дома. Держать девушку силой не в моих правилах. Кажется, об этом упоминал ранее. Когда ты уже будешь меня слушать?

Обернувшись, вижу, как солнце практически скрылось за горизонт. Выходить за пределы дома и идти пешком — ду-рость. Да и в какую сторону податься?

Провожу кончиком языка по сухим губам. От волнения у меня случилось обезвоживание.

— Ты живешь с родителями? — киваю на окна, в которых горит свет.

— Нет, — спокойно отвечает, возвращая внимание бре-локу, где замечаю связку ключей. — Отец давно в Лондоне. Мать я почти не помню, она рано умерла. Мне едва исполнилось пять.

— Значит, ты здесь... один?

С интересом смотрю на разросшиеся зеленые растения в больших темно-коричневых горшках.

— Есть повар, но он готовит утром на весь день и уходит. Раз в неделю вызываю уборщицу. Садовник работает, пока я на учебе, — мы не пересекаемся. Не люблю чужих людей у себя дома.

Каждый мой шаг по вычищенной плитке звучит довольно громко. Я разворачиваюсь на мысочках лицом к Жданову. Он пристально за мной наблюдает. От его взглядов в горле застревает ком. В этот момент мы одновременно воспомина-

ем события той ночи.

Я так же села к нему в машину, ругая себя за опрометчивость и глупость. Только полная дура могла сесть к незнакомцу в машину. Как подумаю, что он мог оказаться маньяком или насильником, так тело парализует животным страхом.

Артем оказал мне услугу. Затем мы смеялись на заднем крыльце клуба, и, когда Жданов позвал прокатиться, я была не в состоянии отказаться. Он... поразил меня. Я почти влюбилась за какой-то там час!

Жданов открывает входную дверь ключом и, приложив палец к панели в коридоре, снимает сигнализацию.

— Не помню, чтобы у нас строили такие дома, — продолжаю осматривать интерьер.

Здесь светло, везде чистота. И все довольно современное, совсем не стиль студента-мажора.

— А ты знаешь все дома в округе? — Артем следует за мной.

Его навязчивое внимание каждой клетке моего тела расходуется теплом по коже, и мне становится жарко. Я скидываю с себя пиджак, оставаясь в блузке.

— У нас здесь в основном старинные усадьбы. Раньше это место пользовалось большой популярностью у интеллигенции, вот они и настроили себе домов.

— Наслышан. Но жить в усадьбе не для меня. Я не люблю прошлое. А ты?

— А я живу в усадьбе. Родилась здесь и не собираюсь что-либо менять.

— Но мой дом тебе нравится, — перегораживает мне путь и, коснувшись пальцами подбородка, мягко заставляет приподнять голову.

По телу разливается озноб. Зря я сняла пиджак. Взглядом ищу, куда его бросила, из головы все повывлетало.

— И тебе он подходит, — продолжает говорить с уверенностью. — Из спальни открывается вид на верхушки деревьев и море. А окна ванной выходят на горы. Бассейн ты уже видела. Кухня современная. Тебе должна также понравиться гардеробная.

Все, что он описывает, чудесно. Если это так, то дом действительно восхищает, и... он мне нравится. Но каждое слово прозвучало как идеальный план по порабощению.

Вот здесь ты будешь спать и видеть море, а вот здесь — горы.

Бр-р-р!

— Голодна? — спрашивает, быстро меняя тему.

Сбежать уже не получится, надо позволить Артему показать мне все, что он и хотел. Пока Жданов не завершит задуманное, дверца не откроется.

— И что предлагает твой утренний повар на ужин?

Радостная улыбка трогает его губы.

Отравить не отравит, да и после перенесенного стресса проснулся смертельный голод. Почему бы не перекусить? И

у меня будет шанс узнать *нового* Артемия Жданова.

— Бефстроганов, киноа, салат из свежих овощей. На десерт домашнее мороженое с карамелью и фруктами: манго, ананас, инжир, есть корзиночки с ягодами, которые ты не любишь. А потом мы перейдем к делу.

— К какому?... — глаза расширяются.

— Как Мирра Бирн будет отдавать свой голос за Артемия Жданова на выборах председателя совета, — впервые Артем закатывает глаза, и я вижу его усталость. Не привык этот Жданов к тому, что есть упрямые девушки.

За всей этой суетой с похищением, одиночным проживанием и поваром по утрам я забыла о первой причине, почему я здесь. Вот блин!

Глава 10. Мирра

— Благодарю за ужин, — промакиваю губы салфеткой и отодвигаю от себя тарелку.

Артем смотрит на меня, не моргая вовсе. Жадно впивается в мое лицо взглядом, не позволяя мне дышать свободно.

— Что предпочитаешь на завтра? Сделаю заказ повару, — берется за телефон и смотрит на меня вопросительно.

Пренебрежительно посмеиваюсь. Жданов не просто упертый, а одержимый мной парень. Он... помешался!

— Завтра я предпочту ужинать дома.

Теперь настала очередь Артема ухмыляться. Следом за этим неприятное ощущение тяжелым холодным киселем растекается внизу живота. *Я не уверена, что мне позволят уйти.*

Ворота открыты, телефон на зарядке. Я могу выбежать и попытаться вызвать такси. В крайнем случае — набрать Руслана, но тогда придется выложить все начистоту. Хорошо, что пути к отступлению есть. Этим я себя и утешаю, продолжая гнуть свою линию: я здесь всего лишь случайный гость на этот вечер.

Паника охватывает меня изнутри. Я едва могу сидеть и притворяться, что не испытываю страха. Вокруг меня как будто собирается туман, из которого не выбраться.

Быть пленницей даже в таком роскошном доме под взгля-

дом красавца Жданова вызывает сильную дрожь.

— Я выполнила твое условие, Артем. Дважды. Приехала к тебе, и мы вместе поужинали. Да это почти свидание! — От озвученного предположения слегка розовеют щеки.

В тот вечер Жданов пригласил меня на свидание. Хихикала и думала, как это романтично, но совершенно невыполнимо. Я уже знала: мы с Ждановым из одной касты, но все же по разные стороны баррикад. Стопроцентная несовместимость.

Сейчас я в этом убедилась.

— Восхитительно. Хочу, чтобы так было каждый вечер, — говорит в ответ.

Жданов встает из-за стола и тянется к бару, откуда достает начатую бутылку вина. Пригубила за ужином, но Артем все равно подливает. Оно дорогое, качественное. Приятное, точно парень успел узнать о моих вкусах.

Пф-ф, конечно он узнал, Мирра!

И это продолжает вызывать во мне тонну негодования и заводить в тупик.

— Я выполнила все условия. Теперь твоя очередь! Отзови кандидатуру с выборов и... оставь меня в покое!

— А как же разрешение на «Темочку»? — негодаяй смеется надо мной, видя, как краска ярости окрашивает мое лицо в цвет заката.

Кончиком языка Артем проводит по своим чувственным губам. Вопреки странному поведению парня, я все равно чувствую опасный огонь за ребрами, что согревает, и...

жжет.

— Ты уже сама не уверена, хочешь ли, чтобы я оставил тебя в покое, — Артем отпивает из своего бокала и смотрит поверх тонкого стекла на меня. Его глаза как два бездонных в ночи озера.

Сглатываю довольно громко, ныряя в ледяную воду тех самых озер.

Тот единственный вечер, что у нас был, до сих пор живет в моей памяти ярким воспоминанием. Запретным, тревожным, но очень ярким...

Я смеялась, радовалась, жила... На меня навалилось столько всего, что я едва справлялась, и пожаловаться было некому. Отцу я никогда не была нужна, мама уже заболела и совсем не помнила, что у не, помимо сына, есть дочь. Руслан... Игры настолько сожрали брата, что мне порой становилось по-настоящему страшно. Я оставалась одна, даже когда вокруг вились люди.

— А что касается выборов в совет... — продолжает. Его голос становится гипнотически, низким. Бархатным, как тающий шоколад на языке.

Артем подает мне руку, и я, не думая, беру ее. Он ведет меня к дивану в зале. Из окон видна зона отдыха с бассейном. Луна как раз освещает этот уголок, и выглядит все уютно и романтично.

— Ты уверена, что Руслану это сейчас нужно? У него любовь, а дела Академии заботят его в последнюю очередь. Мы

окажем ему услугу, освободив от роли главы комитета. Он и так сможет влиять на важные решения — он же совладелец Рейвенс.

— Академия принадлежит нам, — упрямо твержу.

Потерять эту часть наследства для меня смерти подобно. Да и она так долго держалась на фамилии Бирн.

— Я выкупил половину акций, Мирра, — ведет себя сейчас как на важных переговорах, где я — та, кого он планирует потопить. Безжалостно.

— Руслан говорил что-то о спонсорстве... — Мямлю, но сердце выплясывает в груди опасный танец. Пульс отдается в каждой жилке.

Губы Артема растягиваются в победной улыбке. Я опускаю взгляд. Руки будто связаны, к ногам словно прицеплены гири, а я и в самом деле тону.

— Условием спонсорства была продажа акций.

— Сколько?

— Сорок девять процентов. Поэтому я и говорю, что Руслан, то есть Бирны, продолжит влиять на принятие важных решений.

Голова раскалывается от полученной информации. Не знаю, верить ли словам Жданова или он пытается запутать меня? Этот парень чрезвычайно хитер.

Веки тяжелеют, и их словно сшивают толстыми прочными нитями. Тело погружается в теплые волны, меня укачивает. В голове еще роится множество вопросов, но губы перестают

шевелиться — меня поражает бессилие и сон.

Меня опоили? Что-то в еду подсыпали ?

Сквозь дрему я слышу шаги Жданова, его шепот у моего уха и касание теплых, чувственных губ к моей щеке. Он берет меня на руки и несет по лестнице наверх.

Хочу протестовать: кричать, вырываться. Мне нужно домой, меня точно разыскивает Руслан. Но как обухом по голове бьет осознание, что он с Лидией, своей девушкой. Русу снова не до меня. Он так и не позвонил за весь вечер узнать, где я.

— Ты будешь моей, Мирра.

Мычу и пытаюсь разомкнуть и губы, и веки. *Не позволяют...*

Жданов укладывает меня на кровать, укутывает мягким пледом. Матрас позади прогибается, и я чувствую, как Артем закидывает на меня руку, прижимая к себе теснее. Это какая-то бо́льшая одержимость — он обращается со мной как с куклой. Но, черт возьми, хоть для кого-то я — центр вселенной.

Сон глубокий, яркий. Я не сразу вынырываю из него, когда наступает утро. Голову набили ватой, во рту суше, чем в пустыне. Песок оттуда насыпали и в глаза, они еще наверняка красные, потому что вчера не сняла линзы.

Кровь в венах загустела, меня ломает как в сорокоградусном ознобе. Осознав, где я, резко, до потемнения в глазах, оборачиваюсь.

Пусто. Вторая половина кровати заправлена так, что не придерешься. Ни залома, ни пылинки. На декоративной подушке уже знакомая мне веточка мирры и записка:

«На кухне тебя будет ждать завтрак. Я попросил повара сделать заготовки на день до твоего пробуждения, чтобы тебя не смущал чужой человек в доме. Переодеться ты сможешь в гардеробной. Я все приготовил для того, чтобы тебе было комфортно.

P.S. Во сне ты еще красивее. Не думай и не жди, что я отступлю от своих желаний».

Прочитав текст, написанный идеальным каллиграфическим почерком, аккуратно беру веточку и подношу ее к носу. Растение не виновато, что его купил один психопат и разбрасывает везде, где я бы не была. Вдыхаю сладкий аромат и думаю о том, насколько далеко Жданов готов зайти в своем желании?

Глава 11. Мирра

Первым делом заглядываю в ванную. На деревянной вешалке висит халат нежно-розового цвета. Точно такой же есть и у меня дома. Жданов точно знал. Видел! На полочках много косметических средств. Явно женских и явно новых.

Рассматриваю каждую баночку. Дорогой бренд. Жданов не поскупился, хотя с его деньгами это не проблема. Только любопытно: он закупал сам или попросил кого? Насколько его одержимость сравнима с эгоизмом и собственничеством?

И все же решаю не строить из себя упрямицу, ведь с утра мне нужны прохладная вода и завтрак. Уверена: если я сейчас спущусь на кухню, меня там будет ждать что-то вкусное и ароматное.

Приняв душ и надев предложенную одежду, возвращаюсь в спальню и обнаруживаю, что кровать заправлена идеально. На покрывале лежит также идеально отпаренная форма Академии. Но никого в комнате нет. Пусто. Ни звука, ни чужого аромата.

Вновь чувствую скользкое, гадливое чувство в животе. Еще немного — и Артем сможет контролировать все сферы моей жизни, потому что выучил меня. Уверена, прошедший год он потратил на изучение, кто такая Мирра Бирн.

Крепко зажмуриваюсь и распахиваю глаза в надежде, что

все исчезнет. Но нет, все продолжает лежать на своих местах. Выдохнув и смирившись, что я не смогу выбраться из дома в халате, переодеваюсь.

Причесавшись и слегка накрасившись, спускаюсь на кухню. И действительно — мой завтрак уже ждет на столе. От каши поднимается пар и аппетитный аромат. На отдельной тарелке — нарезанные фрукты. Рядом — чашка кофе. Кто-то снова только что был здесь, иначе не объяснить, почему завтрак выглядит так, будто его сняли с плиты минуту назад.

И как и в случае с формой, ни звука вокруг и ни одной живой души. Дом точно пуст. Это пугает, и если бы был вечер и царил мрак, бежала бы без оглядки. От такой тишины и чьего-то незримого присутствия мурашки страха разбегаются по плечам.

— То есть ты опоил меня, добавив что-то в еду или в вино — не знаю, — и теперь думаешь, я у тебя позавтракаю? — произношу в пустоту. Знаю, что здесь на кухне установлены камеры и идет видеонаблюдение. Жданов точно за мной следит и получает удовольствие от моего замешательства.

Желудок бунтует — я привыкла завтракать гораздо раньше. Отравленный организм требовал сна, и я банально проспала. Но зачем сейчас Артему «обогащать» мою еду? Мне еще ехать в академию. По расписанию четыре пары, а Жданов в вопросах учебы довольно зануден. Этот псих не позволит мне прогуливать.

— Ладно... — соглашаюсь. Перед глазами всплывает ух-

мыляющееся лицо Жданова. Он знал, что я подумаю *так*!

Присаживаюсь и подвигаю к себе кашу. Опустошив тарелку, опрокидываю в себя кофе и стягиваю три слайса яблока. Жую, похрустывая.

Затем поднимаюсь обратно в спальню, захватив мусорный пакет, и выбрасываю туда всю новую косметику. Следом отправляется и халат. Пусть этот одержимый наконец поймет: я не кукла, которую можно заполучить, посадив в клетку на все готовенькое.

Мешок выставляю к черному выходу.

Осталось только понять, как добраться до Академии. А я уже катастрофически опаздываю. И Мирра Бирн не может войти в аудиторию последней — только не сейчас, когда мы на шаткой позиции и обязаны доказать всем, что нас не сломить.

Тут же вспоминаю короткий разговор с Артемом о выборах в совет. Тянусь к сумке, откуда выуживаю телефон, где ... ноль пропущенных.

Руки опускаются, внутри невозможно тошно. Я сажусь на какой-то камень и смотрю в одну точку. Нет, я с братом мало разговаривала по душам. Все же наши интересы разнятся. Но он последний и, получается, единственный близкий мне человек. Мы с ним одна кровь.

— Мирра? — У открытых ворот дома Жданова останавливается черная «Ауди». Водительское стекло опускается, из салона на меня смотрит приятного вида мужчина лет трид-

цати в костюме. — Я должен доставить вас в Академию.

Я не дура. Понимаю, что все это организовал Жданов. Его стиль начинает читаться между строк.

— Благодарю. Я доберусь самостоятельно. Я уже позволила брату, он будет с минуты на минуту.

— Господин Бирн уже в Академии. Через пять минут состоятся выборы в совет студентов.

Черт!

Поворачиваю голову и впиваюсь в светлые глаза мужчины. Кто он? Охранник? Какой-то начальник? Помощник? Жданов известный бизнесмен, и какие только люди на него не работают. Уверена, сыну разрешено пользоваться их услугами.

Видя, как ворочаются мысли и предположения в моей голове, мужчина спешит добавить:

— Артемий Борисович подробно меня проинструктировал. Присаживайтесь, совет уже через четыре минуты.

От волнения и раздражения на закрывшийся с хлопком расставленный капкан все внутри горит и иссушается. Чувствую себя мышонком, когда Артем — хитрый кот. Ужасное сравнение, недостойное меня, но именно так я себя ощущаю в данную минуту. Да и вообще последние дни.

Открываю заднюю дверь и плюхаюсь на кожаное сиденье. Пахнет кофе и мятными леденцами. В окне наблюдаю, как ворота закрываются автоматически, без пульта, и мужчина плавно нажимает педаль газа, увозя меня из этого красивого,

но удушливого логова.

Обещаю себе, что ноги моей здесь больше будет.

У Академии оказываюсь через полчаса. Я не стала говорить водителю, что есть объездной путь. Меня вряд ли бы послушались или нашлась бы причина, почему мы поехали иначе. И я бы, вполне возможно, поверила.

Выбегаю из машины, хлопнув громко дверью, и несусь в главный зал, где обычно проходят лекции для всего потока или важные мероприятия. Выборы в совет — одно из таких.

Открываю со скрипом большую деревянную дверь и оказываюсь в тишине зала. Студенты сидят и слушают двоих у трибуны. Первым замечаю брата. Он выглядит серьезным, немного не выспавшимся. Вторым — Жданова. Этот псих подмигивает мне и победно улыбается, словно уже выиграл. И я не про выборы...

Замираю, будто мою душу заморозили. Тело накачали паралитиками. Только и могу, что смотреть, как Артем скрещивает руки и ткань рубашки обтягивает накаченные руки. Как его взгляд облепляет всю меня, и все мои брыкания вроде выкидывания косметики в мусорку кажутся мне бесполезным трепыханием бабочки над костром. Он лишь посмеется и смажет скрипучие замки моей клетки. Дыхание останавливается.

— Голосование уже началось, Мирра. Ты, к сожалению, пропустила дебаты, — властно, но довольно мягко говорит Артем. — Вы с моим водителем попали в пробку? Ираклий

уведомил меня, что сегодня движение через город затруднительно.

Боковым зрением улавливаю движение. Руслан смотрит на меня с интересом, что удушает сильнее и быстрее удавки. Брат рассержен. А я... отчего-то зла на него. Хотя не отчего-то. Он же совсем позабыл обо мне. Ни звонка, ни сообщения, даже когда я не пересекла порог Академии в такой важный день.

Еще и смеет, прищурившись, смотреть с обидой и претензией.

В огромном зале мне становится душно от читаемых в воздухе эмоций. Половина из которых — мои.

— Твой листок голосования, — продолжает Артем, когда я медленно подхожу к их столу, чтобы выдернуть эти дурацкие листы. — Ты знаешь, что делать и как поступить. И, кстати, прекрасно выглядишь. Выспалась?

Глава 12. Мирра

— Выспалась? — спрашивает с легкостью, но придавливая тяжестью своего взгляда с мерцающими бликами в глазах. — Я не стал тебя будить.

Перевожу взгляд с пустого листа на Жданова и вижу, как он рад, что ему удалось завести меня в тупик. Для всех, и особенно брата, я вчера провела вечер с Артемом. И довольно тесно, должно быть. Ведь просто так никто не спросит, выпалась ли ты, если вы не близкие друзья. Очень близкие.

Теперь по Академии разбредутся слухи, что недоступная Мирра Бирн сдалась через неделю, потеряв честь и достоинство.

Несмотря на обиду на Руслана, я не хочу, чтобы он заподозрил меня в предательстве. Меня окатывает ледяной водой при одной мысли о разочаровании в его холодных глазах — это оказывается для меня страшнее всего на свете. Присаживаюсь на ближайшую парту, смерив гневным взглядом своего психа.

Заношу руку над пустым полем с именем брата.

Ниже перечислены его достижения и план на предстоящий год. Главный упор он делает на спорт: баскетбол, где Рус — капитан команды, разные соревнования, а также мой любимый чирлидинг.

Дальше глаза соскальзывают на строчку ниже.

Артемий Жданов... Новичок, сумевший влиться в закрытое общество и стать негласным лидером. Фигура крупная, хитрая. И в его плане развития значатся многочисленные выездные мероприятия, упор на коммуникацию с владельцами и топ-менеджерами крупнейших компаний и современный подход к обучению. Он уже привлек к образовательному процессу многих преподавателей, включая Графского.

Мирра Бирн душой голосует за брата, а студентка Академии Рейвенс за... Жданова. Хотя разорвись на части.

Моноotonно отстукиваю кончиком ручки по столу, нарушая гробовое молчание в зале.

Подняв голову, встречаюсь взглядом с Ждановым. Он спускается с трибуны ко мне пугающе медленным шагом. Через мгновение Артем окажется напротив меня и будет смотреть, кого выберу. Хотя это против правил. Голосование тайное.

От волнения пот стекает градом по позвоночнику, и ткань блузки прилипает к спине, как вторая кожа.

Если я выберу Руслана, Артем не оставит это без внимания. Он не простит мне этой вольности, которая со стороны кажется бредом. Мы не в том времени живем, чтобы я не могла сделать свой выбор, опираясь на личные ощущения и собственные мысли.

Но если я поставлю галочку напротив фамилии Жданова... Я предам брата. *Я предам нашу Академию!*

— Вы последняя, Мирра, — демонстративно переходя на

«вы», говорит Артм, касаясь края листа для голосования.

Дыхание причиняет нестерпимую боль. Оно сухой веткой проходит по горлу, царапая легкие изнутри. В глазах собираются слезы, когда плакать не хочу. Я в силах смять лист для голосования.

— Если выберешь брата, мне придется действовать жестче. Я люблю сопротивление, но оно должно быть легкое, малыш, — наклонившись, шепчет. — Мягче. Как тогда, в машине.

Я вновь оказываюсь в ароматном кольце его парфюма, что точно яд проникает через ноздри и заставляет все процессы и движения в теле подчиняться воле этого одержимого.

— Я буду сопротивляться до конца, Тем, — приподнимаюсь, шепчу ему прямо в губы, мягко выдыхая его имя.

Меня колотит от пронизывающего северного ветра — словно на дворе не теплый сентябрь, а промозглый январь. И сквозь эту дрожь я чувствую, как от его кожи исходит тепло.

— Мне плевать, сколько плюсов принесет твое правление и сколько минусов — мой брат. Даже если мой голос ничего не решает, я всегда выберу его. Он моя семья, а ты — лишь одержимый псих, которого нужно поставить на место и вправить ему мозги.

На мою тихую, но гневную речь он улыбается. Потянувшись ко мне рукой, заправляет прядь за ухо, покружив голодным взглядом по моему лицу.

— Но ты выберешь меня, Мир... как в тот вечер. Дело не

в этом голосовании и не в галочке. Ты придешь ко мне, и *выберешь* меня. Вот увидишь. Моя одержимость тобой не большая болезнь, чем твое одиночество. Это голосование всего лишь первый этап.

— И ты его проиграл.

Дрожащей рукой ставлю галочку напротив имени брата. Тут же поднимаю глаза, встречаясь с абсолютно нечитаемым выражением лица Артема. Он походит на мраморную статую: красивую, мужественную, высокую, но холодную и бесчеловечную. Одинокую, как и я.

Осталось не жалеть о сделанном выборе. Он был довольно эгоистичным, я действовала не во благо Академии, да простит меня Рус. Ему и правда нашелся сильный соперник.

— Я тебя разочаровала? — спрашиваю с вызовом, прикусив щеку.

Разочаровывать близких становится привычным, но сейчас я будто бы жду совсем обратного.

— Напротив. Я понимаю, почему так долго ждал, но пришел сюда за тобой, — аккуратно вытягивает из моих зажатых пальцев лист и отходит к урне голосований.

Встаю и выбегаю из зала первой. Пулей направляюсь в ближайший туалет. Там умываюсь прохладной водой, чтобы смыть с лица жар. Он лег на мою кожу тонким слоем, и я горю от пятки до макушки. Наверняка еще и красная вся от злости и своего обреченного положения.

Почему одержимый не мог оказаться нормальным пар-

нем? Как... «vampire22», например? Мы с ним не переписывались несколько дней. Открываю переписку и перечитываю последние строчки. Легкая улыбка расцветает на моем лице, пока я из открытого окна не слышу агрессивный знакомые голоса.

— Ты! — Кричит Руслан. — Трогал ее?

— Только сейчас очнулся? — горький и громкий смех бросает меня в огонь.

— Она моя сестра! Она — Мирра Бирн!

Звуки удара разлетаются по Академии эхом. Я зажмуриваюсь крепко, и выдыхаю, выдыхаю, выдыхаю.

Собрав всю волю в кулак, сбегая по лестнице во двор, туда, где Артем уже занес кулак над лицом Руса. Вокруг собираются студенты. Кто-то достает телефоны, кто-то стоит, разинув рты.

Во мне разрастается такой страх, что я перестаю чувствовать ноги. Каждый шаг к месту драки — будто иду по вате. И при этом я сжимаю кулаки. Просто... просто бесит. Два лидера Академии дерутся на глазах у всех. Жестко, безжалостно, не думая о последствиях.

Глава 13. Мирра

Подбегаю к этим двоим в самый разгар борьбы. Бросаться к кому-то и просить остановиться будто бы глупо. Они крупнее меня, и удары у них тяжелые.

Нос Руслана разбит, на лице Артема красуются красные следы от кулака моего брата. Глухие удары разлетаются по воздуху вместе с резкими выдохами после каждого замаха. Напряжение вокруг такое, что любой предмет отлетит на километры, едва коснувшись одного из разъяренных парней.

— Рус! — пробую докричаться до брата.

Мне неважно, кто завязал драку, — хотя предположения все же есть. Но позволять студентам снимать на видео, как два лидера Академии выясняют отношения кулаками, — не лучшая идея. Мы же не в обычном университете, где можно разукрасить лицо однокурснику за курилкой. Мы — элита.

— Я звонил тебе весь вечер, всю ночь! — брат бросает свое обвинение, от которого вспыхиваю негодованием.

Что еще за вранье?! Мое лицо обдаёт жаром.

Артем скалится. Он смачно сплевывает и смотрит на Руслана с презрением и долей высокомерия. В глазах Жданова — ярость оголодавшего хищника, густая, словно сироп. От глубоких и частых вдохов плечи парня высоко поднимаются, а грудная клетка расширяется. Кое-где порванная рубашка обтягивает литые мышцы. Вены на тыльной стороне ладоней

вздулись — в них течет кровь, нагретая до фатальных значений.

Сам Артем словно стал больше: агрессия заполнила его полностью. Если кто-то не уступит, быть беде. Жданов такой же большой и сильный, как и брат.

Атмосфера, как на ринге. Или даже хуже. Здесь нет того, кто бы смог их разнять.

Я ищу свиту Греха — это близкие друзья Руслана: Тео, Аскольд и Натан. Они должны быть поблизости.

— Я просил тебя держаться от Жданова подальше, Мирра. Мои слова для тебя ничего не значат? — Руслан продолжает давить на меня силой своего голоса и тяжестью взгляда.

Во рту пересыхает. Рус хмурится и посматривает на своего оппонента. В чем-то того подозревает, и губы брата кричатся.

— Я перед тобой отчитываться не собираюсь, — Артем опережает вопрос Руслана. — А твоя сестра — большая девочка: сама вправе не сообщать тебе, с кем и где проведет вечер. И ночь.

— Уничтожу, — кидается и опрокидывает Жданова на недавно скошенную траву. — Убью!

Неосознанно отпрыгиваю, а потом подаюсь к бойцам. Мне едва не прилетает от Руслана, когда брат замахивается над Артемом. Они вгрызаются друг другу в глотки. Теперь я понимаю значение фразы «Не на жизнь, а на смерть».

Глаза обоих горят гневными, вражескими огнями. Бесси-

лие валит меня с ног. Я готова расплакаться в надежде, что это привлечет внимание кого-то из них, и бой прекратится. Наивная, наивная Мирра.

— Стоп! — Кричу громко. В горле рассыпается сухой горячий песок, ломая голос, делая его сиплым.

Собравшаяся толпа смотрит с волнением. Кто-то хихикает, кто-то шепчется. Власть, находящаяся в руках одной фамилии, теперь утекает, как ручеек.

— Не смей смотреть в ее сторону, разговаривать с ней. Думать о ней. Она Мирра Бирн, а ты... обычный мажор, живущий на папины деньги. Избалованный, с чувством собственной важности до небес. Ублюдок, — Руслан произносит каждое слово с гневом.

Никогда не видела брата таким. Да, он с рождения был на моей стороне и всегда меня защищал, но сейчас его агрессия словно вышла из берегов. И причина этому не я и мое отсутствие этой ночью дома, а что-то другое.

Руслан Бирн такой же эгоист с развитым чувством собственной важности, как и Артемий Жданов. Поэтому во мне просыпается легкая обида за психа Тему. Он несколько побледнел и видно, как брошенные слова прошли по нему клинком.

— Я выкуплю обратно свои акции, и твоей ноги не будет на моей земле. И рядом с моей сестрой.

Закрыв на замок свои реальные ощущения, Артем смеется, промакивая губы пальцами. На них замечаю кровь. От

ее вида руки леденеют, а ноги сковывает льдом. Оба парня выглядят так, что им точно нужно зайти в медицинский кабинет, а лучше сделать снимки в больнице.

— Если я не выполню то, что хотел и планировал, я заберу у тебя всю Академию. Ты такой глупый, Бирн... Глупый и слепой, как... котенок.

Успев разойтись, они снова на грани боя. Я встаю между ними лицом к Теме и, не раздумывая, обнимаю Жданова. Касаюсь его губ и застываю на носочках.

Время замедлилось. Дыхания остановились. Вокруг нас не слышно ни звука, лишь где-то вдали доносятся морской прибой и крики чаек.

Пульс готов разорвать меня в клочья. Воспоминания того вечера обрушились шквальным огнем, заставляя краснеть и разжигая тянущий жар внизу живота. Артем кладет ладони на мою поясницу и мягко, незаметно притягивает к себе.

Как собственник. Как истинный хозяин.

А я... не сопротивляюсь.

Малюсенький шаг — и я словно попадаю в воронку из сладких, но все же гадливых ощущений. Я поцеловала Жданова только для того, чтобы вывести его из боя с моим братом. Отвлечь. Кажется, получилось...

Пальцы немеют, когда я провожу ими вдоль шеи Артема и касаюсь его волос. Его кожа пылает — будто я в самом сердце пожара. А язык, коснувшийся моих губ, пронзает тело электрическими разрядами один за другим. Как тогда...

Но год назад мы были вроде как пьяными, а сейчас в нас играет исключительно адреналин.

Отстранившись, стеснительно опускаю взгляд. Жданов въедливо смотрит, и каждая клетка на моем лице вспыхивает. Уже привычно, что Артем раскусил мои намерения. Но вместо того, чтобы съязвить в своей манере или сказать что-то разумное и логичное, Жданов... хмыкает.

— У твоего экспромта есть зрители, Мирра, — горячий шепот касается ушной раковины. Веки прикрываются.

— Они были у вас, — отвечаю не сразу.

После поцелуя мысли разбрелись, я едва соображаю.

— Ну теперь сплетен хватит на неделю вперед. Драка, поцелуи... И главная причина раздора — Мирра Бирн. Не тот центр внимания, к которому привыкла Королева красоты, верно?

— Зато вы прекратили свои жестокие игры, Темочка.

Вовремя вспоминаю, что именно поцелуй был ценой разрешения называть Жданова «Темочкой». К сожалению, не таким способом я хотела получить это разрешение.

Но все-таки коварная улыбка расцветает на моем лице. Боюсь представить, как смотрюсь со стороны. Наверное, для многих я конченная гадина и дрянь.

Кто-то из студентов сообщил Лидии о происходящем, и девушка моего брата успела прибежать. Пока я целовала Артема (или он меня), она успела поправить галстук под шеей Руса. Галстука на Жданове, конечно же, нет. И не то, чтобы

я думала проделать аналогичное.

— На кого ставила? — сухо спрашивает, отходя от меня, точно я опять ему безразлична. Безликая девка, действующая на нервы.

— Мой ответ прежний, — опускаю глаза на засученные рукава белой рубашки Артема. Он выправляет их и застегивает. — Я на стороне брата. Была и буду. Что ты сделал, что он не мог мне дозвониться?

— Ничего, — подмигивает и, бросив предупреждающий взгляд в сторону Руслана, уходит.

Понимаю, что последние минут пятнадцать даже не дышала. А когда смотрю на удаляющуюся спину Артема, расслабляюсь, хотя губы все еще покалывает. Жданов уверенно идет к главному корпусу, срывая по пути ветку и покручивая ее в руках.

Артемий Жданов иногда кажется мне обычным парнем. Да, мажором, но точно не психом, а иногда он тот, от кого мурашки встают от одного лишь задумчивого, но острого взгляда.

— Рус и правда звонил тебе вчера весь вечер, — оборачиваюсь на голос Лиды.

Откуда-то берется стыд.

— А у меня правда ноль пропущенных. И ни одного сообщения, — отвечаю в свое оправдание.

— Если ты была у Жданова, то этот тип точно что-то сделал с твоим телефоном. Или вы были в месте, где глушится

связь, — высказывает предположения, пожимая плечами. — В его глазах несусветная одержимость тобой, Мирра. Такой человек готов пойти на многое.

Отвожу взгляд в сторону, пытаюсь сфокусироваться на травинках, пока в мыслях оседают слова Лидии. У нее чушка на такие дела.

— Артем смотрит так, как Руслан на меня. Того и гляди сожрет! — добавляет с умилением.

Истерика подкатывает волной.

— Кстати, подсчитали голоса, пока эти тут траву мяли, — я сжимаю дрожащие ладони в кулаки и резко поворачиваю голову к Лиде.

— И?

— С разницей в один голос победил Жданов.

— Результаты подтасованы? — с надеждой впериваюсь взглядом в лицо Лидии. Жажду услышать какую-то хорошую для нас новость.

— Сомнительно. Ни один бланк не испорчен. Подсчет велся сразу же, как листы были сданы. Их количество соответствует общему количеству голосовавших студентов. Все честно.

— Руслан знает?

— Позже скажу ему. Постарайся сегодня переночевать дома. Думаю, ему понадобится не только моя поддержка. Ну, если он, конечно, не решит уйти в клуб напиваться со своей свитой.

После учебы еду домой. Часто посматриваю в зеркало заднего вида. Мне постоянно кажется, что за мной следят. Это становится паранойей, и я некстати вспоминаю, что все те, кому мерещилась слежка, — оказывались правы.

Заехав на территорию усадьбы, забегаю в комнату, закрываюсь на все замки и проверяю, плотно ли закрыта балконная дверь. После принятого долгого душа на кровати обнаруживаю привычную мне веточку мирры и записку:

«Не стоит от меня закрываться. Я могу открыть любую дверь. Но есть место, куда я не буду приходить каждую ночь и любоваться тобой, сидя в кресле. Возвращайся, Мир».

Глава 14. Артемий

Уйдя из комнаты Мирры, осторожно пробираюсь вдоль зеленого забора из туй к запасному выходу. За высокими коваными воротами, покрытыми дорожной пылью, стоит моя машина. Когда сажусь, давлю на газ, срываясь с места пущенной стрелой. Нужно успеть стереть несколько записей, чтобы охрана усадьбы Бирнов меня не вычислила.

Присоединиться к их системе было несложно. Это заняло у меня не больше часа. Я даже расстроился, что задание оказалось довольно простым. А я любитель сложностей. Они скрашивают нашу жизнь и наполняют ее смыслом.

Как Мирра.

Недоступная, далекая, закрытая, очень-очень красивая.

Одинокая.

Я никогда не думал, что поцелуй с девушкой может перевернуть мир. *Мой мир!* Запланированный, четкий, ясный до окончания века.

Но самое страшное оказалось то, что с каждым днем, с каждым описанным в сценарии действием я становился одержимым, еще более зависимым от Мирры. Вот где прослеживалась четкость и закономерность: в первом акте «Спорим? Будешь моей».

Это пугало даже такого скептика, как я.

Я банально *помешался* на идее присвоить оледеневшую

Королеву красоты. Не влюбился, не втюрился, а именно помешался.

Ну точно псих.

Припарковавшись у дома, закрываю ворота и в ту же минуту открываю приложение на телефоне, транслирующее камеру, установленную в комнате Мирры.

Девушка сидит на кровати, подогнув под себя обе ноги. Она читает книгу, кусает свои пухлые губы и часто-часто осматривает стены, углы.

Потом резко встает и начинает выкидывать все книги со стеллажа у рабочего стола, одергивая и задергивая шторы, открывает раз за разом шкафы и ящики.

Я смеюсь.

Мирра чувствует, что за ней следят. Любой почувствует.

Войдя к себе в спальню, первым делом тянусь к уже порядком потрепанному распечатанному плану. *Сценарию*. Шелестя страницами, нахожу нужную. Пробегаюсь глазами и удовлетворенно хмыкаю.

— Ты напугана, мой Мир, но я по-прежнему тебя привлекаю, — говорю сам себе.

Нахмурившись, возвращаюсь к открытому приложению в телефоне.

Стоя посреди полного бардака, Мирра снимает с себя домашнюю одежду и остается в одних крошечных трусиках. Специально или нет, но я весь подбираюсь, готовый к нападению. Сердце срывается в галоп. Вот-вот выпрыгнет из гру-

ди, разнеся ребра в хлам.

Жадно впитываю взглядом каждый изгиб, каждую впалдинку и выемку на теле Мирры. От открывшегося зрелища рот наполняется слюной. Сотню раз я успел пожалеть, что не установил камеру с лучшим разрешением.

Голод по женскому телу сжигает изнутри. *По этому женскому телу.*

Мирра не спешит одеваться. Стоит статуей.

Я быстро перезагрузил страницу — вдруг что-то зависло. Но нет, девчонка продолжает шумно дышать и стоять, уперев руки в бока. Влажные после мытья волосы переброшены через одно плечо. Откуда-то чувствую их аромат. Машинально перебираю пальцами воздух, пытаюсь хоть так ощутить их мягкость.

Такое сумасшествие!...

Аж выть хочется.

Одержим. Артемий Жданов стал и правда одержим принцессой Миррой, как и прописано в чертовом сценарии. Теперь надо добраться до второго акта, чтобы собрать плоды своих стараний, трудов, и... боли. Наблюдать за своим Мирром издалека целый год было тем еще мучением.

Мир слишком хороша.

Игнорирую позывы желудка, просящего пищу, и открываю на компьютере браузер со вкладкой чата Академии.

Недоумки думают, что его создал кто-то из местных, но они ошибаются.

Это моя разработка, и я внедрил ее под ником «**vampire22**». Приправил все сплетнями, и вот уже несколько месяцев веду активную переписку со студентками Рейвенс, в том числе с «**конфетой55**». С Миррой. Узнать ее дурацкий ник было проще, чем взломать охранную систему усадьбы Бирнов.

Так я был в курсе дел Академии задолго до выкупленных акций. Я знал все, что творилось в стенах усадьбы, и какие игры велись за ее пределами.

Vampire22: *«Я сегодня долго тобой любовался».*

Пишу, отправляю. Взгляд устремляется на экран телефона, где Мирра поворачивает голову, слыша звук входящего сообщения.

Ее спина напрягается, а когда она прочитывает сообщение от своего «друга», садится на кровать, и... улыбается.

Дрянь!

Ревность к несуществующему парню взрывает все органы по одному, начиная с главного — с сердца.

Бах! Бах! Бах!

Налетевший ураган эмоций сжимает меня в комок, будто я тончайший лист. В глазах темнеет от прилившей крови.

Ее грудь волнующе колышется, острые соски зазывно манят. Хочется алчно вобрать их в рот и почувствовать вкус. Желание такое явное, что приходится откинуть телефон в сторону и выйти на балкон вдохнуть свежего воздуха.

На небе успела взойти полная луна. Время таинственных

и мистических обращений, время, сводящее человека с ума.

Вернувшись, первым делом проверяю камеру. Мирра расхаживает по своей комнате. Девчонка наконец удосужилась надеть сорочку, хотя тонкая ткань продолжает очерчивать тугие вершинки темно-розовых сосков.

Конфета55: *«Но так и не осмелился подойти? Ай-яй-яй!»*

Слышу ее смех. Она, черт возьми, смеется для него! Для «vampire22», а не для меня — Артема Жданова. И согласно первому акту нет такого события, где Мир бы посмеялась со мной от души. Звонко, открыто, так, чтобы меня накрывало одеялом из ее нежности ко мне, и... одержимостимной.

Конфета55: *«Тебя давно здесь не было».*

Vampire22: *«Учеба, дела. Ты меня ждала?»*

Конфета55: *«Наши с тобой переписки меня всегда успокаивали. Я была уверена, что у меня есть друг, пусть мы с тобой и не виделись в реальности. Или мы встречались?»*

Вот хитрая какая!

Vampire22: *«Может быть, и встречались. И ты сказала «друг»?»*

Согласно плану я должен организовать оборону с тыла. Для этого хорошо зашла секретная переписка в чате Академии.

Узнать Мирру ближе можно было только от лица другого человека. Тайного, живущего где-то поблизости. Его образ должен подталкивать девчонку на какого-то определенного

парня, но время от времени и полностью переводить стрелки на другого. Vampire22 должен до конца оставаться загадкой.

Конфета55: *«Столько месяцев общаться, делиться секретами можно только с другом. Ты не против?»*

Vampire22: *«Нет».*

Vampire22: *«Я даже рад. Как прошел твой день?»*

Мирра усаживается в постели и подтягивает одеяло ближе к себе. В голове витают нездоровые мысли. Что если я окажусь в паре метров от нее? Или ближе? Вдохну ее запах, потрогаю бархатную кожу, впитаю глазами юный и прелестный образ моего мира?

Конфета55: *«Ужасно. Кажется, у меня проблемы. Я стала целью одного придурка-сталкера. И он не хочет униматься. Что делать? Посоветуй. Такое ощущение, что я начинаю сходить с ума. Мне очень страшно».*

В груди заклокотал гнев. Заворочался, искусал. Пялюсь на экран, где Мирра в ожидании ответа смотрит в телефон, затем на пустое поле для сообщений.

Меньше всего хочу, чтобы она боялась, тряслась от страха. Но и убрать свою одержимость ею по щелчку пальцев уже не удастся. Я погряз в девчонке Бирн полностью.

Vampire22: *«Страх делает человека слабее, чем он есть на самом деле».*

Захлопываю крышку ноута, блокирую телефон. Впервые с момента начала переписки я не прощаюсь со своим миром и не желаю спокойной ночи. Наверняка она обидится, но мне

вновь нужно вернуться к сценарию, зачитанному до дыр. Хочу убедиться в сотый раз, что все идет так, как запланировано.

Нужно выдохнуть.

А потом я решаю внести кое-какие изменения.

Слежка, камеры, бунт в Академии с этими дурными выборами, приглашение Мирры к себе, совместный ужин... Все звенья одной цепи ведут к одному — посадить на крючок юркое, своенравное создание. Влиться во все сферы ее жизни, заполнить собой каждую минуту, и... каждую мысль.

Страх нужно перекинуть на что-то другое.

И собственноручно отгородить ее от того, что внушает ей страх.

Глава 15. Мирра

— Уважаемые студенты Академии, выстраивайтесь теми группами, на которые вас разделили до посадки в автобусы,
— Мария Федоровна, профессор русской словесности и по совместительству мама Лидии, проходится по толпе критическим взглядом поверх очков.

Сразу видно — преподаватель. Любое непослушание и отсутствие порядка делают из нее *Долорес Амбридж*. У нее сегодня даже костюм леденцово-розового цвета.

Глазами нахожу Вику. Между нами хоть и пробежала кошка, но все-таки с первого курса вместе и в списке группы мы стоим друг за другом. Но она вздернула свой напудренный носик и демонстративно отвернулась.

Ясно...

— *Онне* сводит с тебя глаз, — оборачиваюсь на голос Лиды.

Девушка моего брата в компании самой странной девчонки Академии — *Розы Ланцет*. Она вырядилась в суперкороткую юбку-шорты, едва прикрывающую ягодицы, и безразмерный топ. Два топа. Одна как футболка, а сверху надет другой, на тонких бретельках бельевого типа. И все бы ничего, если бы это не были ядовито-яркие цвета: розовый, желтый и салатový.

Надеюсь, на моем лице не отразилась всеобъемлющая

неприязнь. Ужасное сочетание цветов и стиля.

— Кто не сводит с меня глаз? — надев кукольную улыбку на лицо, обращаюсь к Лидии. Она такая мелкая, что мне, стоя в кроссовках на тонкой подошве, приходится опускать голову.

— Твой псих. Который новенький.

Поджимаю губы, чтобы не прыснуть от смеха. Как точно подмечено.

Псих. Мой.

И вдруг пришла мысль, что если свою одержимость Артемий Жданов перебросит как силки на ту же Вику? Негодование мгновенно сковывает меня в каждой косточке и мышце ледяными тисками. И как объяснить странную, болезненную ревность, взявшуюся из ниоткуда? Такой болезни нет во всемирной квалификации.

— Он не мой, — слабо протестую, обнимая себя руками.

— Но уж точно не мой, — отвечает Лида, и вместе с Розой смеются.

После устроенного Ждановым все поголовно думают, что мы вместе. С утра ловлю на себе высокомерные, немного завистливые взгляды девчонок. Я же всегда была недоступной для отношений, отказывала в свиданиях всем. Мало кто знал, что от строгого отца мне могло влететь, поэтому и походила на холодную, бездушную Королеву.

«Это испортит твою репутацию!» — черство твердил он.

Отцу было все равно, что на встречу меня звал наследник крупной нефтеперерабатывающей компании. Уверена, папа готовил меня для кого-то своего, «особенного». Связи, связи, связи... У него для каждого из своих детей было все уготовано. Но он и предположить не мог, что его власть в поместье Бирнов закончится.

Я тогда выдохнула. Вот такая вот неблагодарная дочь — Мирра Эдгаровна Бирн.

Наконец, обращаю внимание на *своего* психа.

Артем скрестил руки под грудью, ноги расставил на ширину плеч. Он в костюме, который сложно назвать классическим, но да, это брюки и свободный пиджак. Под ним футболка. Я точно помню, что ткань всегда плотно облегает его накаченное тело. Картинка ясная, предательски красочная.

Приподнимаю брови, как бы спрашивая: «*Что-то хотел?*»

Псих? — проговариваю про себя обращение.

Между нами не больше пары метров, и, думаю, Жданов мог слышать наш короткий разговор с девочками.

Он опускает уголки губ и едва заметно качает головой. Кончиком языка проводит по губам. Нет, не дразнит, не напоминает о том, случайном, поцелуе на глазах у десятка пар глаз. Видео продолжает гулять по нашей локальной сети Академии. Кто-то даже приклеил к нему мерцающие сердечки. Дураки!

Пульс учащается, когда Артем подходит ко мне.

— Там темно и страшно, — кивает на вход в одну из самых глубоких пещер нашего полуострова, куда мы приехали на экскурсию. — Можешь держаться рядом.

Губа у Артема разбита. Ранка запеклась и стала темно-бордового цвета.

Касаюсь пальцами своей здоровой губы ровно в том же месте, где его ранка. Жданов въедливо смотрит, и я не могу удержать жар внутри. Тот тягуче тянется вдоль шеи к щекам, окрашивая лицо чуть ли не в пурпурный.

Мы безотрывно смотрим друг другу в глаза. Мы вспоминаем наш первый поцелуй.

Его машина, ночь, безлюдные улицы. Тихо играет музыка, какая-то новая композиция поп-певицы. В салоне темно, и пахнет грушевым ароматизатором. Нас накрыло одновременно, и я не знаю, чем бы все закончилось, если бы не дико пронесшийся мимо нас спорткар. Аж стекла задрожали в тот момент, и сознание пришло в норму.

— Защищу тебя от пещерных монстров, — говорит полупшепотом. Бархатно. До щекотно.

— Может, мне защита нужна от тебя? — привстаю на носочки.

Шумно сглатываю, снова опуская взгляд на его губы. Это выходит самопроизвольно. Я совсем не думаю о том, чтобы поцеловать их. Наверное... Последние дни я не всегда понимаю себя, свое тело и мысли.

Как, например, раздеваясь на днях вечером после душа.

Каким-то чутьем знала, что Жданов следил за мной на моей территории. Но я сняла чертову одежду, оставаясь в одних трусиках. Зачем? Чтобы потом прочитать в глазах Артема, видел ли он меня голой.

Видел.

Стоит сейчас, ухмыляется, пока мое лицо горит под его взглядом, а грудь взрывается от каждого вдоха и выдоха. Я испытываю стыд? Унижение? Возбужденность?...

— Итак, первая группа, проходим цепочкой и останавливаемся у большой красной двери! — отступаю от Жданова, услышав голос преподавателя. — Ничего не трогаем! Ведем себя тихо!

— В пещерах нет монстров, Темочка. Максимум летучие мыши. И то их враждебность и опасность сильно преувеличены, — говорю, окатив его холодным взглядом. Знал бы он только, какой внутри у меня пожар.

Жданов сохраняет невозмутимость и благородным жестом пропускает вперед. По закону подлости мы с ним в первой группе. Хотя по какому закону?... Псих это и подстроил. И к гадалке не ходи.

— Держи, — на плечи ложится его пиджак.

Вдыхаю аромат дорогого парфюма. Вещь пахнет... той ночью. И Артем это знает, а если не знает, то читает по моему взгляду. Я прикрываю глаза.

— Зачем? — веду плечами. Пиджак не спадает, лег как приклеился.

— Там прохладно, — кивает на большое табло с температурой. — Всего тринадцать градусов. А ты в тонкой блузке.

— Я закаленная, — гордо взмываю подбородок.

Что я несу? Ненавижу холод! Хоть кричи от злости, потому что Артем ни слова не говорит, уставившись в меня апатичным взглядом. *Он знает обо мне все.*

Еще несколько таких ситуаций, и я смирюсь.

— Брюки тоже одолжишь? — на мне классические шорты из тонкой брючной ткани. Не самый лучший наряд для экскурсии по пещерам.

— Они будут тебе велики. Зацепишься, упадешь, — ровно отвечает, точно общается с ребенком. С очень капризным ребенком и проявляет мастерское терпение.

— Так ты поймаешь. Всегда поймаешь, так?

Мы снова незаметно оказываемся в тесном положении друг к другу. Я уже чувствую движение его грудной клетки, а опущенные руки ненавязчиво задевают и переплетаются. Ладони от нервозности потеют.

— Монстры поймают. Ты сказала, что не боишься их, — подмигивает, и... уходит.

Наблюдаю, как он, счастливо улыбаясь, подходит к Вике. Кладет свою ладонь на ее поясницу и что-то шепчет на ухо. Его губы соблазнительно шевелятся. Бывшая подруга заливается румянцем, который как цвет красного сигнала светофора — видно издалека, в любую погоду и время дня.

Застываю, не веря своим глазам. Меня потряхивает и бро-

сает в пот от открывшейся вида.

— Ты идешь, Бирн? — проходящие мимо толкают в плечо.

Это что еще за игры такие, Артемий Жданов?...

Глава 16. Мирра

Дыши, Мирра, дыши...

Нет, погружаться вглубь пещеры на стареньких вагончиках не страшно. Хотя звуки громко стучащих металлических колес о железные рельсы ускоряют биение сердца в несколько раз. Дело в одержимом.

Я заняла место в последнем вагоне. Рядом расположились Лида со своей подружкой Розой. Руслан со свитой оказались в другой группе, и пока они ждут снаружи своей очереди. Удивлена, что брат не взбрыкнул, отправляя свою Колибри одну на глубину несколько сотен метров. В темноту, к монстрам. Но, зная и видя, каким повернутым стал брат на своей Лидии, допускаю, что девчонка просто сбежала. Сейчас она с упоением рассказывает Розе о новой прочитанной книге. Подслушиваю краем уха, а подглядываю за другим человеком.

Артем приобнимает Вику. Оба вальяжно расположились на местах для троих. Ничего предосудительного Жданов не делает. Одна его рука закинута на спинку сиденья, другая покоится на бедре. Своем. Лицо, как всегда, мало что выражает. Кроме взгляда. В нем... веселье. И я бы сказала, что ему весело от трели бывшей подруги, если бы псих не смотрел на меня в упор.

В груди разрываются снаряды, за ребрами давит. Сердце

сжимается и разжимается, как пружина.

Не могу дать внятного объяснения своим ощущениям. Наверное, это пресловутый эгоизм. Как можно преследовать меня, включиться в каждую мою клетку, а потом... посмеиваться рядом... с Викой?

Она же... Она умом не блещет! Всегда на вторых ролях, довольно ветрена, помешана на чем угодно, но не на учебе и своем будущем. Я уверена, что Артему с ней не то что будет скучно, они стоят на разных ступенях эволюции.

Отворачиваюсь, но продолжаю чувствовать на себе настырный взгляд Жданова. Как сверло, медленно, но верно вкручивается в затылок. Он тяжелеет, голова начинает раскалываться от неуместного внимания.

— Хочешь что-то мне сказать? — не выдерживаю и спрашиваю, стараясь перебить шум колес.

Наши взгляды схлестываются, дыхание прерывается.

Вика перестает трещать. Роза с Лидией затихают. Остальные студенты в вагоне только делают вид, что заняты своими делами.

— Я думал, это ты собираешь мне что-то сказать, — как ни в чем не бывало отвечает в тот момент, когда поезд останавливается, и наступает тишина.

Что за подлянка?!

Перевожу взгляд на Вику и возвращаю его к ожидающему Жданову и медленно качаю головой. Вот еще, отвечать ему!

Двери открываются. Студенты все как один поднимаются

со своих мест и быстро выходят. Сидеть остаемся лишь мы с Артемом. Ну и Вика, конечно же. Застолбила моего психа и теперь в своей голове нарисовала «долго и счастливо» после одного невинного касания ее поясницы. Ума точно нет.

Да и Жданов хорош! Сидит и мягко улыбается той редкой улыбкой, которая уносит меня в наш единственный вечер. Уже тогда он был психом? А я, по ходу, ненормальная, раз от такой улыбки мне хочется улыбаться в ответ.

В животе тянет от нарастающего тепла, и впору скидывать с плеч пиджак Артема. Мне стало жарко.

Вика смотрит на вещь Артема с завистью. Ей-то он ничего не отдавал, хотя она была одета не теплее моего.

— Уважаемые студенты, очень прошу вас не отставать и не задерживаться, — слышим незнакомый для нас голос. — Оставаться на перроне, в залах пещеры без сопровождения запрещено. Мы движемся группой.

Поднимаюсь и выхожу из вагона первой. Жданов за мной. Его шаги довольно близко ко мне. Еще я чувствую аромат его туалетной воды, и... духи Вики.

Черт бы их побрал!

— Как только последний человек покидает пещерный зал, свет там выключается. Прошу вас не задерживать экскурсию, — строго говорит наш экскурсовод. Мария Федоровна шикает на самых болтливых — на свою дочь Лиду и Розу. Ну точно, вырвалась из-под тяжелой опеки моего брата.

Закатив глаза, отхожу в самый незаметный мрачный уго-

лок.

— Итак, мы находимся на глубине ста восьмидесяти метров от уровня моря. Пещера была открыта и исследована в середине прошлого века. На сегодняшний день спелеологи продолжают изучение этих горных пород, поэтому для посещения открыты не все залы. Будьте осторожны, когда переходите из зала в зал. Но то, куда мы отправимся с вами сегодня, поистине вас поразит...

Резко выключается свет. Дергаюсь, не ожидая такого, и пол будто исчезает под ногами. Хотя все это иллюзия, простая, понятная реакция тела.

Когда за мостом зажигаются фонари, подсвечивая озеро туманно-голубого цвета, давление приходит в норму. Дыхание восстанавливается, а твердый пол из металлических досок уверенно удерживает мой вес над острыми скалами, пусть ноги немного подрагивают.

Выдыхаю, сложив губы трубочкой. Это представление — часть экскурсии, не более.

— Увидела первого монстра? — Артем оказывается рядом. Как из ниоткуда.

— Не дождешься, Жданов, — говорю осиплым голосом. Он убрал руки в карманы брюк, когда я скосила на них свой взгляд.

— Ты потерял свою подружку? — слегка поворачиваю голову.

Вики нигде нет, и я с подозрением оглядываю своего пси-

ха. За те две секунды, что мы были погружены во тьму, он же ничего не смог с ней сделать?..

— Не думал, что ревность когда-нибудь будет меня вставлять, — наклоняется и проникновенно шепчет.

Из-за разницы температур дыхание Артема горячими следами ложится на мою щеку. Я сильнее запахиваю полы пиджака, чтобы не выдать мурашки, которые уже покрыли плечи и грудь. Если не брать в расчет его замашки психа, Артем — красивый и привлекательный парень. Рядом с ним у кого угодно сердечко будет... постанывать. А я к тому же до сих пор помню наш поцелуй и его руки на своем теле.

— Я не ревную. Это глупо, — поворачиваю к нему голову и чуть ее запрокидываю. Артем выше меня на полголовы точно. Возвышается надо мной, как одна из многочисленных скал.

— Глупо не признавать. Только слепой не видел, как ты изменилась, когда я прикоснулся к твоей подружке, — Артем наклоняется и одаривает меня самодовольной ухмылкой.

В эту минуту я снова увидела в нем обычного парня, а не одержимого психа, проскальзывающего чуть ли не каждую ночь ко мне в комнату.

— Мы больше не дружим.

— Отчего так?

Стискиваю челюсти. Ответ так очевиден, что все эти вопросы — провокация. Артемий Жданов вообще чистая, аб-

солютная провокация в эту минуту.

В полумраке глаза Жданова кажутся иссиние-черными. Манкими. Их обрамляют длинные темные ресницы. И я стою непростительно близко, чтобы заметить, что они загнуты на концах. Эту деталь успела позабыть.

— В следующем зале мы с вами увидим кальцитовую гору, которая «строилась» в этих условиях целыми веками из выделяемого водой карбоната кальция. На куполообразной поверхности открывается вид на «хрустальное» озеро с прозрачной водой. С потолка, откуда струится вода, можно будет увидеть стройные шеренги сталактитов, — голос гида заставляет нас обоих подпрыгнуть. За коротким общением успела позабыть, что мы не одни и мы... в пещере.

Облизнув пересохшие губы, бросаю быстрый взгляд на психа и аккуратно обхожу студентов, желая оторваться от преследования Жданова. Он четко следует за мной.

Эта игра приобретает странные оттенки.

Мне приятно его общество, мне нравится его близость, как и... отталкивает, пугает. Вызывает интерес, и... все же ревность.

Как только вся группа оказывается в следующем зале, перейдя по длинному, висячему мосту, позади выключается свет. То место, где мы были еще несколько минут назад, заселено пугающей тьмой. Обратный путь кажется отрезанным.

Сглатываю появившуюся панику и руками цепляюсь за ограждение. Мы уверенно стоим над каменными глыбами,

прямо в середине огромной пещеры, но мы... под землей. Мой мозг отказывается принимать, что здесь безопасно.

Чуть облокачиваюсь через перила. Там из темноты выступают «скульптуры» — сталактиты различной формы. Красивые, неоднозначные. Пахнет сыростью, землей и чем-то странным, что-то вроде пыли, соли и затхлости. Сверху постоянно капает, пол скользкий, и...

— Осторожно! — кричит Жданов, когда из-за моего любопытства я чуть не перевернулась на те самые сталактиты.

Нет, я бы не упала, все же держалась крепко, но я оцепенела от испуга, а внутренности сжались в комок. От страха проглотила язык, и, оказавшись в сильных объятиях Жданова, смотрю на него во все глаза, не говоря и слова. А надо бы поблагодарить.

— В следующем зале мы с вами увидим застывшие кальцитовые реки и водопады. Внешне они походят на медузы и морские чудовища. Об их происхождении сложилось немало легенд, одну из которых я вам сейчас расскажу.

— Вот видишь, здесь есть монстры и чудовища.

— Морские чудовища, и это банальная фантазия, Артем, — отзываюсь хрипло. Я не кричала, но горло саднит, как после долгих и громких стенаний.

Его руки на моей талии. Он крепко прижимает мое тело к себе и не собирается отпускать. Его приковало ко мне магнитом, и если я отступлю, разрывая нас друг от друга, он упадет замертво.

— Прошу не задерживаться, свет выключится через пару минут, — чуть громче добавляет экскурсовод, и я спешу оттолкнуть от себя Жданова. Остаться в темноте не горю желанием.

Пульс бьется в висках неприятными молоточками. Мне не хватает воздуха, и я уже хочу выбраться наружу.

Сколько нам еще здесь бродить среди сталагмитов, сталактитов и сталагнатов?!

Весь путь до следующего зала я ощущаю присутствие Артема за своей спиной. Пока в какой-то момент не решаю обернуться.

А он... исчез.

Кружа по восторженной толпе взглядом не нахожу психа.

Лида окидывает меня вопросительным взглядом, но, получив от меня кивок, проходит мимо. Вика смирят гневным взглядом и тоже идет в следующий зал. Кто-то фотографирует, кто-то шепчется. Самые сонные замыкают группу. Им все равно, что по краям от моста природа трудилась миллионы лет, чтобы создать страшные, но вызывающие восхищение творения.

— Тема? — кричу.

Мой голос отражается от стен пещеры и разносится пугающим до дрожи эхом. Вдали слышу тихий, монотонный шум, как если бы камни решили со мной поговорить. Или это тоже игра моего воображения, как кальцитовые изваяния в виде монстров?

— Артемий? — делаю еще попытку дозваться своего психа.

Он не мог проскочить впереди меня, потому что был позади, пока мы были на мосту.

Он не мог оставить меня здесь одну!

Когда замолкают последние голоса, выключается свет. Я делаю попытку бежать, пока еще ориентируюсь, в какую сторону — здесь несколько разветвлений, ведущие в другие залы, закрытые для туристов. Но дурацкие дорожки, покрытые чем-то вроде слизи, коварны.

Я подскальзываюсь. Телефон выпадает из рук, я слышу как он разбивается о скалистое дно. Шумный выдох выбивается из моей груди, и только успеваю сгруппироваться, пока вылетаю с лестницы под перилами вниз.

— Ах! — тело прострелило болью. Воздух прорезался характерным металлическим запахом — кровью. Из глаз ринулись слезы.

Глава 17. Мирра

В темноте время тянется. Прошедшая минута кажется вечностью, и от этой вечности останавливается дыхание. Я вижу то, чего здесь быть не может — чудовищ и монстров. Слышу звуки, которые здесь невозможны — шипение, низкий смех, чей-то потусторонний шепот.

Страх заковывает меня в ледяные объятия.

Попытки пошевелиться заканчиваются диким стоном. Ногу простреливает болью, из-за крошечной тьмы я не могу посмотреть, что с ней. И кроме вопля ни слова не срывается с моих губ. Голос сел от испытываемого ужаса.

Я снова одна. Маленькая девочка, лишенная тепла и опоры. В такие моменты инстинктивно зовешь маму, я же... тихо хнычу.

— Мир? — Эхо подхватывает и разносит по пещере знакомый и обеспокоенный голос. — Мирра?

Тема.

Кто бы мог подумать, что я буду счастлива, что он меня преследует, как одержимый псих. Только не увидя меня рядом, Жданов заторопился искать и не побоялся вернуться. Снова нарушает правила, снова идет напролом, встречая преграды. На этот раз — пустоту, черноту и опасность.

С хрипами в груди пытаюсь дозваться Артема. Вижу тусклый свет фонаря на его телефоне. Если подсветить дно пеще-

ры, не уверена, что меня можно разглядеть. Благодарю Бога, что приземлилась хоть и плохо, но осталась живой.

Когда понимаю, что Жданов все-таки увидел меня, выдыхаю. Я была зажата до такой степени, что воздух прекратил поступать в легкие.

— Ты ранена? — Звучит сверху.

— Что-то с ногой. Не могу пошевелить.

На некоторое время повисает тишина. Быстро моргаю, стараясь присмотреться к окружающим меня деталям. Прикрыв веки, покачиваю головой. Я в полной жопе!

— У тебя получится подняться? — Гремит бас.

Неужели нас никто не ищет? Никто не слышит?

Пробую опереться руками о ближайший камень. Тот оказывается еще более скользким, чем лестница. Это едва не стоило мне вывиха запястья. Я снова вскрикиваю.

— Нет, — произношу, всхлипывая. — Ты только никуда не уходи, прошу. Мне очень страшно.

— *Я рядом, Мир*, — три слова, и мое тело обмякает. Жажду спросить: он точно рядом? Точно никуда не уйдет? Точно не оставит одну?

На глаза наворачиваются слезы, но внутри уже чувствуется легкость. Артем не покидает меня, хотя логичней было бы вернуться к группе и сообщить о случившемся. Наверняка здесь есть спасательные бригады.

Вместо этого Тема перевешивается через поручни и пытается осветить дно. Что-то обнаружив, отходит метра на два

от меня и перелазит через ограждение. Спускает ноги и хватается за ступень. Не успеваю предупредить, что здесь чертовски скользко, как Жданов прыгает.

Пространство пещеры разрезает шумно сказанное ругательство. Могу поклясться, где-то вдалеке встрепонулись летучие мыши. Гид заверил, что это самые крупные «чудовища», обитающие в этой пещере.

— Ты мог убиться, дурак! — И обхватываю его лицо, как только Артем приблизился ко мне вплотную.

— Я предусмотрителен, Мирра, и нашел максимально безопасное место.

— Здесь везде опасно!

Сглатываю образовавшийся ком в горле, уже понимая, что бороться с темнотой я буду не одна. Сильные руки Жданова ощупывают мою ногу без всякого сексуального подтекста. Дойдя до лодыжки и надавив, взвизгиваю.

— На перелом не похоже, но узнаем точнее, как выберемся, — говорит без лишних эмоций.

Я впервые в жизни рада, что человек рядом сохраняет спокойствие, когда мне впору орать от заволакивающих голову мыслей. Не склонна драматизировать, но и не каждый день падаешь с высоты пары метров в центре огромной пещеры еще и в полной, пугающей темноте.

Н-да, Мирра Бирн, это приключение запомнится тебе на всю оставшуюся жизнь.

— У тебя еще колени в крови и локти, — продолжает сухо

говорить. — Голова не кружится?

— Кружится.

Но не от падения или удара. *От тебя, психопат...* Когда психически неуравновешена из нас двоих сейчас лишь я.

Тема светит своим фонарем мне в лицо, я морщусь. Тушь потекла, румяна поехали. Видок мерзкий, в глазах застыл испуг.

Его лицо близко к моему, и вновь я не вижу в этом никаких намеков. То и дело опускаю взгляд на его губы. Жданов если и замечает, то отмалчивается.

От его тела исходит жар, а меня, наоборот, начинает знобить. Пиджак Артема приземлился куда-то, и я осталась сидеть в одной тонкой футболке. Ну и перенесенный стресс выбивается из тела дрожью. Зуб на зуб не попадает, и просыпается желание прижаться к парню клетка к клетке. Преодолевая адскую боль, прильнуть, чтобы напиться его теплом, и... уверенностью.

— Тем? — жалобно прошу.

Точно буду жалеть об этом.

— Можно я тебя обниму? Пожалуйста. На минутку.

Жданов затихает. Его губы приоткрываются. Вот-вот он должен мне ответить, но ни звука не вырывается из его рта. Чуть хмурится, когда взгляд словно остекленел.

А потом горячая ладонь ложится на мою здоровую ногу. Он ведет ее от разбитого колена вверх до линии шорт. На коже остаются невидимые следы, воздуха перестает хватать.

Его рука перекидывается на талию, и Артем нетерпеливо и жадно ее сжимает.

Господи, мы лежим среди старых камней в темноте и вместо того, чтобы звать на помощь... трогаем друг друга. Мои руки сошлись за шеей Артема. Я притягиваю его к себе и ощущаю, как холод, обступивший меня, сменяется пылом.

Перед глазами тот самый одержимый мной псих, и в этот роковой момент внутри происходит надлом, страх перерастает во что-то другое, более вязкое, обжигающее, крутящееся в животе юлой.

Я готова послать все к черту, потому что хочу целоваться.

Я хочу, чтобы сейчас Артем крепко прижал меня к себе и растворил все сомнения. С ним мне больше ничего не угрожает.

— Если ты не прекратишь, то для меня это будет зеленым светом, Мир.

Мягко накручиваю пряди его волос на свои пальцы и про-черчиваю ногтями по голове. Носом касаюсь шершавой от легкой щетины щеки. Туалетная вода Жданова заглушает все другие ароматы.

Тьма меняет сознание. Пробуждает не те желания.

Он медленно наклоняется и преодолевает сантиметры между нашими губами невозможно долго. Снова время тянется и становится наказанием.

Как только наши губы соединяются, мир вокруг взрывается на миллиарды песчинок. Его язык проникает в рот и

касается моего, с безумием прорываясь глубже. Я хватаюсь за плечи парня сильней. Не потому, что боюсь упасть или не удержаться — Тема подхватит — а потому, что хочу чувствовать его всего так близко, как только возможно. Благодушно мычу на его действия.

Тьма и меня делает безумной.

Телефон Жданова падает. Слабый свет фонаря теперь освещает золотисто-серый камень, покрытый чем-то полупрозрачным и древним. Соль.

Мы погрузились друг в друга. Грубоватые ласки расходятся по всему телу. Мы отрываемся от губ только, чтобы сделать вдох. Целуемся как в ту ночь, сошедшие с ума, не имеющие ни прошлого, ни будущего. *Одни в этом мире.*

— Эй! Мирра Бирн? Артемий Жданов? — Из стороны, где скрылась наша группа, доносится громкий голос. За ним шорохи, хор других голосов и всеобщее переживание, наполняющее воздух треском.

Включается свет. Одна за другой зажигаются лампы, и электрический гул разрывает образовавшуюся между мной и Артемом связь.

Опускаю взгляд и слегка отталкиваю от себя парня. Жданов натягивает на лицо привычную маску и поднимается надо мной в полный рост.

— Мы здесь! — Отвечает, возвращая самообладание. — Мирра поскользнулась и упала. Нам нужна помощь, чтобы выбраться.

Начавшаяся суматоха отдаляет меня от Артема. Сначала спускают что-то вроде веревочной лестницы, по которой к нам добирается вызванный врач. Неизвестно, разрешено ли мне шевелиться.

Все обходится сильным ушибом, и с помощью бригады скорой помощи спустя час я поднимаюсь сначала на мост, с которого и улетела, а потом нас всех доставляют на поверхность.

Экскурсия на этом завершается, пещера закрывается для посещения.

Встретившись с братом у входа, выслушиваю кучу нотаций. Своим падением я изрядно потрепала нервы всем. Никто же не знал, где и что со мной, пока не нашла.

Руслан помогает сесть в машину и лично пристегивает ремнями безопасности.

— Надеюсь, это не проделки новенького? — Говорит между делом и почему-то смотрит на Лиду. И ей досталось... Погуляла без своего Греха, Колибри? Лидия хмыкает и демонстративно отворачивается к окну.

Среди оставшихся студентов у входа в пещеру, ловлю взгляд Жданова. Он убрал руки в карманы и расставил ноги на ширину плеч, голову чуть запрокинул. Смотрит грозно, давяще.

Губы начинают полыхать, вспоминая наше безумие. Как далеко мы могли зайти?... Как много я могла позволить?

— Не думаю, — неуверенно отвечаю, опустив глаза на

свои руки. Они в множественных мелких царапинах.

— А я бы не был так уверен.

Рус обходит машину и садится на место водителя.

— Артем не подверг бы меня таким опасностям. Да и сам он рисковал, прыгая ко мне. Мы оба могли погибнуть.

— Псих, — Рус грубо меня обрывает. — Увижу его снова рядом с тобой, — воцаряется звенящая тишина, которую мы с Лидией не смеем нарушать даже своим раздраженным дыханием, — ты уйдешь из Академии. Это я тебе гарантирую, Мирра.

И в моей голове поселилась еще одна гнетущая мысль — сбежать.

Глава 18. Мирра

Утро следующего дня выдается дождливым. И душным. Я просыпаюсь до будильника из-за шума за окном и дикой влажности в комнате. Тонкое одеяло неприятно липнет, как вторая кожа.

Первым делом спешу к балкону, откуда и слышала небольшой шум, и обнаруживаю привычную ветку мирры. Цветочки сверкают в каплях дождя и источают приторно-сладкий аромат. Записки не нахожу. Это удивляет меня больше, чем очередное незаметное проникновение на нашу территорию. Даже... *задевает*.

Рассказать бы охране о том, что они плохо справляются, но... Как же моя мирра?

И ставлю ни в чем не повинный цветок в вазу с водой.

Переодевшись в форму, неторопливо спускаюсь к завтраку. Наш семейный врач после показанных снимков запретил перегружать ногу. Поэтому пробежки пока откладываются.

За столом уже ведут беседу Руслан с Лидией. Колибри — прозвище девушки, и оно подходит ей на сто процентов — улыбается мне.

У меня же при виде Лиды в голове укореняется мысль, не дававшая вчера уснуть.

— Встретимся сегодня? В библиотеке? — Спрашиваю шепотом, пока брат отвечает на звонок. Он же теперь ответ-

ственный за все дела фамилии Бирн. Важным стал, незамеченным...

Если Жданов был прав, говоря, что Руслану уже не до учебы в Академии и ее внутренних распорядков? И эта мысль застревает в голове, как кость в горле. После того, как отца посадили, Рус изменился. Раньше для всех он был неуправляемый и темный Грех, сейчас это Руслан Бирн — опора и глава нашей фамилии и рода.

Брат оценивающе окидывает меня взглядом, останавливаясь на ноге с эластичным бинтом, и кивает, молча приветствуя.

— Что-то случилось? Это из-за психа? — На громкий тон Лидии оборачивается Рус.

Ну что за девчонка?!

Прикладываю указательный палец к губам и тоже довольно громко цыкаю.

— Пожалуйста. Только между нами, — опускаю глаза в пол.

Раньше я ни к кому и никогда не приходила за помощью. Если только к Русу, но это другое.

Королева Академии не попадает в неприятности, она — образец порядка и правил. Как учили, требовали.

И вот я с мольбой в голосе прошу Колибри о встрече, где мне нужна будет ее поддержка, и... та самая помощь. В прошлом году Лидия первоклассно справилась с одним делом и раскрыла большую тайну. Вот поэтому великий и ужасный

Грех в нее и влюбился, в эти полтора метра упорства и поиска приключений.

— Я могила, — проводит большим и указательным пальцами по губам, закрывая их «на молнию», и «проворачивает» невидимый ключик, который «выбрасывает» в сторону.

Смущенно улыбаюсь, чувствуя слабость во всем теле. Мне же придется рассказать Лидии *обо всем*.

* * *

Академия встречает меня незнакомой тишиной.

Переступив порог парадных дверей, все студенты в холле замолкают. Их взгляды устремились на меня подобно стрелам с ядовитыми наконечниками — без всяких сомнений, до моего прихода они активно обсуждали события, произошедшие накануне.

Самое обидное, что им плевать на мое падение с высоты и риск разбиться насмерть. Местные мажоры слишком эгоистичны, высокомерны и безжалостны.

Неужели я сама могла быть такой? Ведь со многими я дружила и неплохо ладила. Оценивала других одним взглядом.

— Давай уже признаемся, что ты специально устроила то шоу? — Путь преграждает взбунтовавшаяся Вика. — Я думала, ты умнее.

Подведенные глаза осматривают меня снизу доверху с раздражением и брезгливостью.

За ней в ряд выстроились девчонки из моей команды по черлидингу. Они перекидывают взгляды с Виктории на ме-

ня. Выбрать сторону им сложно. Ведь я остаюсь носить фамилию Бирн, которая связана с этим местом так же прочно, как стены старинной усадьбы с землей под нашими ногами, а Вика умеет хорошо присесть на уши.

Мое падение с *Олимпиады* получилось настолько явным и заметным для всех окружающих, что остается лишь признать этот факт, а вот как именно взобраться обратно на ту же высоту — мне только предстоит выяснить.

— Я думала, умнее ты, Вика, — ехидно улыбаюсь. — Если бы мне нужно было обратить внимание парня, я бы точно не опустилась до того, чтобы рисковать жизнью. А если ты думаешь обратное, что ж, пещера открывается через час. Мне не составит труда договориться о второй выездной экскурсии, денег хватит оплатить проход для всех групп. Удачи повторить мой подвиг. Но все же советую перед обвинением включить мозг, если ты, конечно, знаешь, где выключатель. Хорошего дня, девочки!

Все расступились передо мной, и теперь важно не споткнуться и не упасть лицом в пыльный ковер. Я еле стою на ногах, да и в руках непроходящий тремор.

— Лично я не думаю, что ты специально это сделала, — одна из девчонок моей группы догоняет и берет под локоть. Я все еще капитан команды, так-то...

— Кто в своем уме прыгнет туда? — Вторит ей другая. Смущенно улыбаюсь.

Надеюсь, все возвращается на круги своя.

Жизнь Академии так же циклична, как и все в этом мире. Сначала обсуждали меня и мою связь с Ждановым, но, заскучав, избалованные студенты найдут другой повод для сплетен. Поскорее бы... Хоть подбрасывай им идею.

— Ты и так с ним мутишь! — Я закатываю глаза. А когда открываю, интуитивно смотрю влево, где расположился Жданов с группой парней своего потока. — Это же всем понятно.

Устало вздыхаю, но... не опровергаю. Связь с Ждановым определенно есть.

— Все девчонки просто тебе завидуют, Мир. Отшивать всех поголовно, чтобы согласиться быть с таким топовым парнем. Это... мудро.

Девчонки болтают без умолку, пока наши взгляды с Артемом продолжают переплетаться и связываться крепкими узлами.

Сегодня он в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами и темно-синих форменных брюках. Без галстука. Это выделяет его среди других парней, у которых поголовно под шеей крепко или расслаблено, но завязан обязательный атрибут формы Академии — галстук.

Чуть опустив взгляд, смотрю на его широкие плечи, что сжимала вчера.

В животе странное покалывание, стоит воспоминаниям засыпать меня. Поняла бы, если снова мы оказались в темноте, но, несмотря на хмурое небо, стоит день. А внутренние

ощущения походят на те, что испытывала рядом с ним.

Определенно, что-то изменилось... Всему виной его настырность или голодные поцелуи — не знаю. Но злость на Жданова по капле улетучивается. Остается обескураженность от его методов и любопытство — что он за человек? От него мурашки, взволнованность, и... интерес. Чтоб его!

На первых двух парах сижу и ерзаю в нетерпении. Я утвердилась в своем желании, о котором и собираюсь поговорить с Лидией. Она ждет меня в библиотеке, как закончится пара. Поэтому едва профессор заканчивает лекцию, сгребая тетрадь с ручками в рюкзак и выбегаю из зала первой. Снова впервые.

Библиотека находится в правом крыле усадьбы. Это одна из старинных ее частей, где даже пахнет по-особенному. Пыльными книгами, сладкими старомодными духами и сырой землей.

Окна библиотеки выходят на наш лес, и после дождя запах листвы и земли проникает в святая святых.

Проходя внутрь, подошва моих кроссовок издает скрип. Он единственный нарушает царствующую здесь тишину.

Поправляю висящий на плече рюкзак и жалею, что не подделка кофты под пиджак. В библиотеке прохладно. Я вообще никогда не любила это место, в отличие от Лидии.

Она сидит за дальними стеллажами. Перед ней раскрытые учебники, и Колибри, шевеля губами, что-то записывает в тетрадь. Ругается, откидывая ручку и, увидев меня, зовет

присесть.

Набираюсь храбрости. То, о чем я хочу попросить Лиду, продолжает казаться мне невозможным.

— За тобой не следили? — Вдруг спрашивает, заглядывая за спину. Там одни стеллажи и старые книги.

— Нет, — неуверенно отвечаю.

— Я выбрала самый неприметный стол. Но отсюда видно, кто входит в библиотеку. Рассказывай.

Складывает руки перед собой. В ее глазах нет того любопытства, с которым на меня смотрит чуть ли не каждый студент после появления в наших стенах Жданова. Да и Лидия всегда отличалась от нас, ищущих подвохов и неискренность в своем окружении.

Колибри можно доверять.

— Речь пойдет о...

— Я пришла! — Звучит на всю библиотеку голос самой ненормальной студентки.

Роза Ланцет. Чтоб ее...

Поворачиваюсь, чтобы увидеть, как полоумная, одетая в форму, но нацепив на голову зеленую бандану и вставив в уши серьги-перья, протискивается между стеллажами и плюхается рядом с Лидой на стул.

В уголках ее губ скопились крошки от шоколадного кекса.

— Она ничего не расскажет, — заверяет Романова, поймав мой полный огорчения взгляд. Признание и так дается мне тяжело, и это не то, чем я готова делиться с самой отби-

той студенткой.

— Обещаю, — проделывая то же, что Лида утро: закрывая рот на замок и выкидывая «ключ».

Обе девушки уставились на меня, точно я пришла с картой сокровищ, которые нам предстоит найти.

Выдыхаю. Складываю ладошки на бедрах как прилежная ученица. Пульс подскакивает.

— Я хочу узнать все что только можно на Артемия Жданова.

— Почему ты не можешь обратиться к вашим людям? У вас же есть детективы, они точно соберут тебе информацию быстрее и точнее нас.

— Потому что узнает Руслан. А я... не хочу.

— Почему? — Лидия прищуривается.

— Потому что часть истории нужно оставить в секрете.

— Почему? — не отстает.

Я встаю со стула, отодвинув тот со скрипом. У нас в запасе несколько минут перед тем, как здесь появятся студенты. В библиотеке часто проходят занятия.

Отхожу к приоткрытому окну.

— Потому что была знакома с Артемом до того, как он пришел сюда. Жданов в день нашей встречи обещал вернуться за мной и сделать своей, — потеряв терпение, громко говорю. Книги сотрясаются от моего голоса, а сердце подскакивает к горлу.

Но стало вдруг намного легче дышать. Хранить в себе тя-

желую тайну было сложно. И это я еще не углубилась в нее.

— Как романтично, — образовавшееся молчание нарушает Роза. Она складывает руки под подбородком и прикрывает глаза.

— Он одержим мной, — добавляю. — Романтики здесь ноль целых и ноль десятых. По-настоящему одержим.

— Хорошо. Так и запишем.

Лида открывает приготовленную большую тетрадь и принимается что-то записывать, высунув кончик языка. Старается.

— И мне все же нужно узнать детали вашего знакомства, — бросает взгляд, уже понимая, что секрет Мирры Бирн довольно грязный.

Переведя дыхание и выпрямившись, я смотрю прямо перед собой.

— Я испытала с ним первый оргазм. По сути, с первым встречным. В машине. Где-то на окраине города. В три часа ночи. После дикого поцелуя и разбитой тачки парня, который мне нравился, но, не добившись от меня близости, изменил.

Стыдливо опускаю взгляд, когда в глазах Лидии не вижу абсолютно никакого осуждения, за что очень благодарна. Если для кого-то в этом нет ничего предосудительного, для фамилии Бирн это и правда грязно и недостойно.

Моя жизнь, как и многих в стенах Академии, расписана родителями «от» и «до». Мы не имеем права поступать так,

как хочется. Наш мир обрисован правилами, и мы вынуждены их соблюдать. Особенно девушки, особенно дочери верховных судей.

Одно слово Артемия обо мне и той ночи выжгло бы мою честь в пепел и сделало бы из меня настоящее позорище.

Глава 19. Мирра

«Встречаемся у тайного выхода через пять минут», — читаю сообщение от Лидии в нашем, блин, чате на троих: я, Колибри и Роза.

«Через пять минут физкультура. Сдвоенная пара», — печатаю быстро и снимаю форму. Вместо нее надеваю спортивные шорты и футболку. Все в фирменном стиле Академии и с эмблемой «ворона» на груди.

«А прогулять?» — следом присылаю анимированный желтый смайлик с поднятой бровью.

Прогулять...

Я резко выдыхаю, чувствуя, как внутри вс закипает. Какой ещ прогул? Пусть скомпрометирована, но все еще королева. Моя корона спокойно лежит на полке дома. Прогул — это гнев преподавателя и нарушение правил. Обречать себя на это? *Нет. Нельзя.*

«У меня информация, не терпящая отлагательств», — звучит как очередной удар по моей репутации.

Внутри меня загорается любопытство. Я оживаю и принимаюсь ходить из угла в угол женской раздевалки. Хмурюсь, следом раздумывая о последствиях, если физкультура пройдет без меня. Но, в конце концов, я капитан команды по черлидингу. Ничего же страшного не случится, если отработаю занятия во время, скажем, репетиции?

Поддаюсь внезапному импульсу и спрашиваю:

«Почему у тайного входа?»

На переодевание в студенческую форму времени нет, поэтому я повязываю спортивную кофту на талии, закидываю на плечо увесистый рюкзак и спешу наружу.

Раздаются шепотки и обеспокоенные взгляды. Главное, вести себя уверенно и держать спиной ровно.

«Потому что нам нужно поехать в одно место, где нас никто не услышит и никто не найдет».

Вот это заявочка!

Тайный выход находится в нашем лесу. Никто о нем не подозревал, пока в прошлом году его не обнаружили в ходе расследования исчезновения Стеллы Юсуповой. Проход между широкими металлическими прутьями забора так никто не удосужился его заделать. И сейчас это отличная лазейка, чтобы покинуть территорию Академии — не проходя через главные ворота и не попадая в объективы камер.

Колибри права. За нами обеими следят. За ней — мой брат, за мной — псих Жданов.

— Ты долго, — Лидия отталкивается от дерева и идет к припаркованному такси.

Чувствую себя глупо.

Колибри в форме: юбка, блузка, гольфы, пиджак перекинут через руку. Я в схожей по цвету, но физкультурной форме, и со стороны мы точно совершаем что-то предосудительное.

Я оборачиваюсь и через забор пытаюсь высмотреть что-то.

— Роза ждет нас на месте.

Вздыхаю. Была надежда, что мы останемся вдвоем. Не то чтобы я совсем уж не доверяла розоволосой, но чем меньше людей знают о моей просьбе, тем лучше. Как известно, секрет между двумя — уже не секрет.

Мы садимся в такси на заднее сиденье. Я не удосужилась спросить, куда нас везут. Поэтому присутствует легкий дискомфорт. Как съела что-то не то, но неприятные ощущения во всем теле, и сердце не на месте.

Нас высаживают у перекрестка за чертой города. С опасением вскидываю взгляд на Лиду, но понимаю, что все под контролем полутораметровой Колибри.

— Дальше пешком, — разводит руки в стороны.

Ох, не нравится мне все это...

Дорога песчаная, высохшая на сентябрьском солнце. Пыль из-под ног выбивается и столбом направляется прямо в нос. Дышать трудно, точно воздуха и нет. Дорога идет в гору, мышцы забивает усталостью.

Смотрю на Колибри с укоризной и десять раз пожалела, что сбежала с физкультуры. Там хотя бы за такую тренировку не получишь выговор и угрозу незначета.

— Пришли, — заходим за вековой дуб и встречаемся с присевшей в теньке Розой. А потом с той самой заброшенной усадьбой, где мой брат Грех проводил свои знаменитые

игры.

Ни разу не была здесь, хотя видела на картинках и смотрела трансляции.

Лидия довольно бодро идет до центрального входа.

— Тебя ничего не смущает? — громко спрашиваю.

Даже у меня в такую жару мурашки от озноба по коже.

— Смущает. Время. У меня после физкультуры пара у мамы, и если я опоздаю на нее, не сносить мне головы. Никакой Руслан Бирн не поможет, — последнее предложение Лидия произносит шепотом, но я слышу эхо от каждого звука. Невозможное эхо, разносящееся по поляне перед усадьбой.

Роза плетется следом, но сумасшедшая оглядывается по сторонам. Ей так же, как и мне, тревожно.

Окна заколочены досками, штукатурка во многих местах отлетела кусками. Некогда бирюзовый цвет выцвел на солнце, и теперь он как выцветшая мальчишечья пеленка с мокрыми желтыми пятнами, въелись намертво.

— Здесь довольно жутко, — кручусь вокруг своей оси, пока Колибри открывает тяжелую двухстворчатую дверь. И спрашивать не буду, откуда у нее ключи.

— Ты внутри не была?

Мотаю головой.

Мы проходим внутрь, и мне в лицо ударяет старый затхлый запах. От высокой влажности и прохлады ежусь.

Зато Лидия ведет себя здесь уверенно. Идет впереди нас куда-то, громко стуча невысокими каблуками туфель.

— Располагайтесь. Это место и будет нашим штабом, — осматриваю небольшую комнатку, где в углу перевернутая софа, обитая атласом, вздыбленный паркет. На стенах пара картин. — Это единственная комната, где окна заколочены не полностью, и пробивается свет.

Переглянувшись с Розой киваем.

Лидия, подпрыгнув, садится на высокий подоконник и открывает папку, которую успела резво достать из своего рюкзака. Мне тоже необходимо куда-то присесть. Мне неуютно. Вся эта атмосфера разрухи и траура оседает на моих плечах, и я начинаю чувствовать чье-то незримое присутствие. Голову разрывает от новых для меня ощущений, видов и разыгравшегося воображения.

Боже, надо было оставаться на физкультуре, а встречу назначать в городском кафе.

— Итак, Артемий Борисович Жданов...

Роза, чуть подумав, садится на пол, скрестив ноги. Принимается слушать. А я не знаю, куда себя девать: ни руки, ни мысли, ни свое разбушевавшееся сердце. Одно имя, и кровь забурила от вспышки под ребрами.

— Я напрягла не только себя и Розу, но и еще пару ребят.

Мои глаза в испуге расширяются. Как я и думала, больше двух — не секрет.

— Не волнуйся. Просьба была обозначена как лично мой интерес.

Облизываю пересушенные губы.

— Артемий родился и вырос в очень богатой семье. Очень. Его отец — из тех бизнесменов, которые редко мелькают на ТВ и в журналах, зато регулярно оказываются в списках самых богатых людей мира. У него от семидесяти до ста бизнесов — точно не подсчитать, они разбросаны по нескольким странам. Так что фраза «родился с золотой ложкой во рту» — не про нашего психа. Твой Артемий эту ложку еще сам выбирает.

Твой Артемий, твой псих, твой одержимый... Ох!

— Это все?

Пот струится градом, несмотря на отсутствие солнца в этой комнатке. Скрещиваю руки под грудью, пряча мелкую дрожь.

— Нет, — отвечает, сделав театральную паузу. — В силу вида деятельности отец Артемия редко бывал дома, почти не занимался сыновьями — у Жданова есть старший брат, родной по отцу — все обязанности по воспитанию ложились на приходящих нянь и учителей. Что с одним сыном, что с другим. Но Борис всегда следил за ними в прямом смысле слова. Хотя если со старшим проблем не возникало, то с Артемием была беда. Он был, как это помягче сказать?...

— Психом? — включается Роза. Из своего рюкзака она достала мятный леденец.

— Типа того. Артемий вспыльчивый. Одно время даже посещал психолога, но почти все отказывались с ним работать несмотря на огромные суммы за сеанс. Жданов-млад-

ший вытравливал их из своей жизни. Четко, преднамеренно, довольно жестоко.

— Почему? — расхаживая взад-вперед, спрашиваю.

— Нам бы помогли те самые психологи, но достать их записи невозможно. Тео не смог.

— Тео? — вскидываю брови. Просто блеск. Теперь все дойдет до брата, и он точно исполнит свое обещание — заставит уйти из Академии.

— Он мастер в том, что касается информации. Жаль, я не знала этого раньше, — с грустью в голосе говорит, устремляя взгляд куда-то поверх моей головы. — Но я думаю, все связано со Ждановым-старшим и матерью. Официальная версия, она умерла от сердечной недостаточности. Но Тео нарыл несколько статей, в которых говорится, что она сама... ну-у-у, понимаешь, да?

— Артем знал?

— Он был ребенком, но слухи до него точно доходили. Борис Жданов сложный человек.

Колени становятся мягкими, и я плюю на заляпанный временем пол и сажусь, пачкая чистые выстиранные шорты. Представила все, что мог пережить Артем, и в груди закололо от сочувствия. Наверное, я бы смогла понять его, как никто другой.

— Что еще?

Роза протягивает мне второй леденец, и я вижу на нем рисунок белого цветочка. *«Со вкусом жасмина»*. Чудная дев-

чонка, чудные леденцы. Никогда таких не видела, и сначала подумала, что этот цветок — мирра.

Я тоже чудная, получается.

С шелестом открываю упаковку и погружаю круглый леденец в рот.

— До недавнего времени учился в Лондоне. Друзья, тусовки, девушки. Типичная жизнь мажора.

На слове «девушки» леденцовая сладость сменилась щипательной солью. Я вспоминаю руку Артема на талии Вики, и вовсе хочется вскочить на ноги и бежать куда-то, выплескивая режущие в солнечном сплетении ощущения.

— А потом он повстречался с тобой и у него совсем поехала крыша, — заканчивает свой рассказ Лидия и с хлопком закрывает свою папку. — Прости, но это так.

Печально усмехаюсь.

Глава 20. Мирра

С того дня в заброшенной усадьбе прошло больше недели, в течение которой мы собирались с Лидией и сумасшедшей Розой почти каждый день. Нет, больше я не позволила никому прогуливать пары. Мы тайно сбегали по вечерам, пользуясь все тем же проходом в лесу, и возвращались до заката. Ночью здесь все еще страшно.

Дух старой усадьбы не беспокоил с такой силой, как в первый день, но тянущие чувства какой-то опасности всегда преследовали меня.

— Я, кстати, сделала запрос в Лондон — пусть пришлют характеристику нашего психа.

Нашего?..

Я впиваюсь взглядом в ничего не подозревающую Лидию Романову.

— В каком смысле «сделала запрос»? — вытаскиваю изо рта клюквенный леденец и с шоком в глазах смотрю на девушку брата.

Нас же раскроют как нечего делать! И я умру от стыда, покрываясь красками смущения по всему телу. Жданов точно обо всем узнает. Но, с другой стороны, точно так же Артем искал информацию и про меня. Может, не таким дилетантским способом, как мы, но все же искал. Следил, наблюдал, что он еще делал целый год, пока не заявился в Академию

как хозяин?

— Официальный запрос от имени ректора, — отвечает так, будто я должна была догадаться. — Мы имеем право знать, кого приютили в своих стенах, так? — обращается к Розе.

Та, уткнувшись в телефон и хихикая, поднимает свои глаза, густо подведенные голубой подводкой, и коротко кивает. Уверена, розоволосая и не слышала вопроса.

— Ответ пришел? — сдаюсь и ложусь на пол. Мы немного прибрались в нашем штабе: подмели, помыли полы. Я при-тащила старый ковер с чердака. Перла его на себе глубокой ночью, а в голове думала, что если Жданов в эту минуту за мной следит, то умирает со смеху.

Хотя Артем и смех — вещи диаметрально противоположные, как два полюса.

— В письме указали срок ожидания официального ответа около месяца, — ведет плечом и отворачивается к окну. — Жаль, что это место заброшенное, — вдруг переводит тему.

Я лишь думаю о том, что месяц — это очень много. А потом приковываю взгляды к потолку с миллионами подтеками после дождей. В углах паутина, кое-где плесень — оно и понятно, такая влажность! Старинная люстра с хрустальными каплями покрыта копотью и матовым налетом. Эта комната одна из немногих, где есть проводка. Если ее починить, то будет свет.

— Здесь можно было бы сделать второй корпус Академии,

например, — мечтательно подпирает ладонью подбородок.
— Или административный корпус.

Наверное, мне стоит признаться, что я нашла несколько девчонок с фотографий Артема из Лондона и написала им.С левого аккаунта. Представилась помощницей его отца. Раз господин Жданов-старший следит за своими сыновьями, значит, и собирает на них свое досье. Почему помощница не может задать несколько вопросов бывшим подружкам Артемия?

В такой момент подумала, что я тоже ощущаю первую стадию некоего помешательства. Доходит до того, что мне интересно его любимое блюдо, цвет, время года, игра, книга... Все-все. Я излазила все доступные аккаунты в соцсетях, зачитывалась статьями «о наследнике многомиллиардного состояния Артемии Жданове», каждый день рассматривала одни и те же фотки.

От фотографий, где он приобнимает какую-нибудь яркую англичанку, я съедаю себя неправильным чувством и ищу всему этому оправдание. Я хоть и была нелюбимым и нежеланным ребенком, но все же я — Бирн. Обещание Артема претенциозно и отталкивающе, но я оценила напор. Любой его интерес к кому-нибудь кроме меня оказывается из серии... предательства? Путаюсь уже, что чувствую и что хочу чувствовать.

— Ладно, поехали по домам, пока меня Русланчик не хватился, — Колибри спрыгивает со своего места — с полубив-

шегося подоконника — и быстро укладывает пополняющееся досье в папку, точно мы опаздываем на пожар.

Переглянувшись с Розой, скрываем улыбки или даже смех.

Русланчик! Назови так брата кто-нибудь другой — пожалел бы. Если успел.

* * *

— Как приятно, что сегодня вся группа в полном составе, — Графский расхаживает перед трибуной, которую поставили в читальне библиотеки после конференции по философии.

Я за первой партой, и мне приходится чуть запрокинуть голову, чтобы наблюдать за преподавателем. Он, как и все занятия до этого, одет в свободную одежду: широкие голубые джинсы и темно-синяя футболка оверсайз. Выбивается своим видом из ряда однотипной формы.

У кого-то он вызывает восхищение своим необычным подходом и преподаванием, а кто-то относится пока скептически, или даже насмешливо. Много лет Академия славилась жестким подходом к выбору дисциплин на каждом курсе. Рейвенс — это про классический подход.

Но мне любопытно...

Оценивающе рассматриваю Графского, пока левую щеку припекает от знакомого взгляда. Артемий Жданов продолжает каждое утро приносить мне веточки мирры, но после случая в пещере мы не общались. Я знаю, что псих где-то

поблизости, но он держится на расстоянии. Затаился. И это вызывает... *мандраж*.

Еще и вся эта добытая информация...

— Сегодня важный день в нашем учебном графике, — говорит Графский. — Если вы обратили внимание на форму отчета в конце семестра, то должны были понимать, что подготовка начнется заранее. А именно, с сегодняшнего дня.

Кто-то вздыхает — тем, кто не в восторге от дисциплины и от Владимира, — кто-то чуть ли не в ладошки хлопает.

Я ловлю на себя довольную полуулыбку Жданова.

Графский берет в руки мел и крупными буквами на доске пишет слово «сценарий». Написав, поворачивается к нам, и его взгляд устремляется на меня.

— Вы распределитесь по парам. Ваша задача — написать сценарий. Объем не менее пяти авторских листов. Общее в ваших работах должно быть одно — отношения. Это может быть как романтическая история подростковой любви, опасное приключение на необитаемом острове после крушения корабля. А может быть и что-то темное, одержимое, — взгляд Графского проводится по ряду, где сидит Артемий, и останавливается на самом Жданове. Тот откидывается и скрещивает руки на груди. Провокатор.

Артем поворачивает голову ко мне и кивает.

В библиотеке повисает немного неловкая тишина. Все привыкли к несколько иным работам.

— Самое интересное забыл, — Графский спохватывается

и по-актерски бьет себя по лбу. Широко улыбается. — По лучшей работе снимут короткометражный фильм. Не обещаю, что он увидит свет на каком-нибудь фестивале, но мы с вами посмотрим точно.

Целую минуту все сидят неподвижно, а потом, как по команде, поднимаются с мест и начинают искать свою пару для выполнения творческого задания. Такого в Академии еще не было.

Илья Камаев, тот, что «vampire22», как я думаю, встает со своего дальнего места и идет прямо на меня. Еще несколько недель назад мое сердце бы сжалось от волнения.

В суматохе я теряю Артема из виду.

— Мирра, — обращается и покашливает в кулак, прочищая горло. Его щеки заливаются милым румянцем. — Может, мы вместе...

— Не может, — отрезает холодный голос за моей спиной. По ней разбегаются мурашки и отчего-то ошпаривает между лопаток, когда рука Жданова по-хозяйски на них ложится.

Подняв голову, ловлю убийственный взгляд Артема, направленный на Камаева. Не глаза, а две черные дыры, затягивающие в себя все живое и сеющие смерть.

— Но... — спохватывается Илья. Его густой румянец приобретает цвет красного спелого яблока.

— Без «но». Мирра Бирн принадлежит мне, — спокойно, но упрямо отвечает Жданов.

Я фыркаю. Хочется воспротивиться, а какая-то сила внут-

ри меня заставляет помалкивать. Если идет что-то не по-ждановски, то Артемий, как избалованный ребенок, психует. В прошлый раз из-за этого произошла драка с моим братом.

— Мирра, это так? — Камаев не уходит.

В прошлый раз я выбрала Руслана. Сейчас делать свой выбор в пользу Камаева как-то глупо, да и Жданов тупо выбьет Илью из игры. Камаев видный парень, умный, при деньгах, как бы мечта, но до моего психа не дотягивает конкретно так. Никто, блин, не дотягивает, и Артем это прекрасно знает.

— Давай в следующий раз, — грустно улыбаюсь, надеясь, что конфликт исчерпан.

— Как скажешь. Но если понадобится помощь, — поглядывает на главу студенческого совета, — я рядом.

«Я знаю», — хочу проговорить, но лишь понимающе киваю.

Что ж, Илье наш новый глава точно не по душе.

— Так нельзя, Тема. Он подошел первым, — поднимаюсь и смотрю Жданову в глаза.

Его черные космические дыры уже не вызывают во мне страх, поджилки не трясутся. Наоборот, хочется очертить его лицо и дотронуться до гладковыбритых щек, высечь пальцами линию губ и зарыться в немного волнистые волосы.

Подушечки пальцев пульсируют от желания.

— Машины разбивать тоже нельзя, Мирра, — голос жесткий, и это должно отталкивать. Пугать.

— А я разбила, — отвечаю тихо и мягко.

— А я прогнал этого ссыкуна.

— Он не ссыкун, — защищаю Камаева, хотя та же часть меня, что сидела молча во время словесной перепалки, подсказывает, что Жданов в чем-то прав. Столько общаться в сети, знать друг друга, проявлять симпатию и ничего не сделать — ссыкливо. Он и слился после пары фраз, сказанных Артемом в повелительной форме.

— Еще слово о нем, и завтра его здесь не будет, — угрожает, и я знаю, что он исполнит угрозу. Псих! Какой же он псих! — Это тебе.

Артем протягивает красно-оранжевый цветок, напоминающий мне сказочную жар-птицу — *канны*. Эти цветы растут на территории Академии за главным корпусом. Длинные яркие ручейки, сейчас пик их цветения.

— Почему не мирра?

— Она тебе не надоела?

— ...Нет, — опускаю нос в полураскрывшийся цветок и с алеющими щеками смотрю на Жданова.

Уголок его губ дергается в довольной ухмылке, которую он тут же стирает с лица.

— Пошли, — хватая руку и тянет меня из библиотеки.

— Куда?

— Забыла? — останавливается и поправляет мои волосы.

— У нас с тобой сценарий.

Глава 21. Артемий

Несколькими часами ранее

Самолет отца приземляется на частном аэр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.